

Геннадий Бачериков

Вальс для принцессы

Книга-победитель конкурса
остросюжетного романа

Геннадий Бачериков

Вальс для принцессы

«Издательские решения»

Бачериков Г.

Вальс для принцессы / Г. Бачериков — «Издательские решения»,

Книга-победитель конкурса остросюжетного романа. Царская семья и пресловутый Мавроди со своим МММ, уголовники и новые русские, царский дворец и блокадный Ленинград — все это тугим узлом завязывает сюжет вокруг двоих влюбленных. Победит ли ЛЮБОВЬ!?

© Бачериков Г.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вальс для принцессы
Книга-победитель конкурса
остросюжетного романа
Геннадий Бачериков

© Геннадий Бачериков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи и события этой книги, за исключением некоторых исторических (к которым, несомненно, относится и г-н Мавроди), являются вымышленными, и автор не несет никакой ответственности перед лицами, нашедшими в этой книге то или иное случайное сходство с собой и событиями своей жизни.

Пролог

1994 год, март, Нью-Йорк

Кто-то, весь покрытый серой шерстью, с круглой шляпной болванкой вместо головы, тащил ее по узкому подземелью. Сзади их неумолимо настигала черная клубящаяся мгла, стремительно заполняющая проход, по которому они бежали. Впереди уже был виден выход с ярким пятном голубого неба, но стены подземелья начали сжиматься, и она боится не успеть, а серый вдруг остановился и крепко держит за руку, не дает ей бежать. Откуда-то в ее свободной руке вдруг возник крокетный молоток, она взмахнула им и ударила серого по шляпной болванке, которая неожиданно оказалась крокетным шаром. Шар покатился назад навстречу надвигающемуся черному мраку, и когда они соприкоснулись, там беспощадно и ярко вспыхнуло ревущее пламя. А в этом пламени горели они – мать, отец, брат, сестры и ее любимица, маленькая собачка Джемми. Они что-то кричали ей, Джемми лаяла, но все звуки поглощал стремительно приближающийся адский гул огня.

Асти проснулась посреди ночи, задыхающаяся и мокрая от пота. Всю жизнь, очень долгую жизнь, ее преследовал один и тот же кошмар, и всегда она просыпалась на одном том же месте, так ни разу и не решив для себя во сне, что же делать дальше, то ли вернуться и попытаться помочь, то ли бежать к выходу. Она тихонько окликнула сиделку, уютно пристроившуюся в старинном каминном кресле «с ушами». Та легко поднялась на ноги, как будто и не она только что тихонько посапывала во сне, и быстро подкатила к кровати столик со всеми необходимыми медицинскими причиндалами.

Да-да, именно причиндалами, – подумала Асти про себя, пока сиделка мерила ей давление, давала какие-то таблетки и поила водой из специальной кружечки с носиком для лежачих больных. Ей нравилось вспоминать старые русские слова, которые в России давно уже вышли из употребления. Она часто слушала радио из Москвы, а когда появилась такая возможность, то смотрела и телепередачи, каждый раз пытаясь уловить что-нибудь знакомое. Это удавалось редко, как правило, только если показывали Петербург. Мир вокруг стремительно менялся, она понимала это, но так и не привыкла ни к новым видам, ни к новым названиям «той» страны и «той» столицы – Советский Союз и Ленинград. Да оказалось, что и не надо было привыкать, уже несколько лет как, слава богу, хоть названия вернулись на свое место.

– Сколько же я там не была? – подумала она, попробовала про себя подсчитать и удивилась, получилось семьдесят три года, почти вся ее жизнь.

Она попыталась вспомнить, как покидала Россию. Ее, тогда совсем еще девочку, передавали друг другу незнакомые люди, имена и лица которых она уже позабыла. В памяти остались почему-то старая изба лесника, где при свете керосиновой лампы-трехлинейки, зажженной по случаю приезда гостей, по потолку над печкой с сухим шорохом сновали десятки тараканов-прусаков, таща за собой длинные косые тени; рыбачий шалаш на берегу какого-то финского озера, где ее накормили замечательной ухой; патриархальная Швеция, которая после бурлящей России казалась заколдованным спящим царством. А потом цепочка оборвалась. В вечерних сумерках германская подводная лодка торпедировала корабль, на котором она с очередным провожатым плыла в Англию. Этот человек помог ей надеть пробковый спасательный жилет. Она провела в воде всю ночь, к утру разыгрались волны, и когда рассвело, поблизости никого и ничего уже не было видно. Ей повезло, этим же утром ее подобрал норвежский пароход, идущий в Соединенные Штаты. Самого плавания она не помнила, когда ее подняли из воды, она была без сознания, сказались пережитые потрясения и длительное пребывание в холодной воде. Она заболела, заболела жестоко, но и тут удача оказалась на ее стороне. На пароходе находился известный профессор-медик Гуннар Торвальдсен, который собирался

открывать клинику в Нью-Йорке. Он сделал все, чтобы девочка выкарабкалась, но во время плавания она так и не пришла в сознание. Когда корабль прибыл в Нью-Йорк, Торвальдсен поместил ее в отдельную палату своей клиники. Столь горячее участие в ее судьбе в немалой степени было вызвано тем, что она очень походила на его дочку, утонувшую во время купания пять лет назад вместе с бросившейся спасти ее матерью. Когда эту девочку подняли на борт корабля, он чуть не потерял сознание от невыносимо реального ощущения, что море возвращает ему дочь.

Жизнь безымянной пациентки несколько месяцев висела на волоске. Она то приходила в себя, то снова проваливалась в тяжелый мрак болезни, но даже в минуты просветления не могла сказать ни одного слова, ни врачам, ни неотступно находившейся при ней сиделке. Приглашенный для консультации один из лучших невропатологов Нью-Йорка после тщательного обследования сделал заключение, что пациентка, видимо, перенесла воспаление мозга, и, возможно, ей придется во многом начинать жизнь сначала – учиться ходить, говорить, читать.

Окончательно она пришла в себя уже в январе. За окном в угасающем свете дня тихо падал снег. Она осмотрелась вокруг. Стены и потолок небольшой комнаты окрашены в салатовый цвет. Все предметы, находившиеся в комнате казались знакомы, но была в них какая-то неуловимая странность, отчего возникало пугающее ощущение одиночества, хотя рядом неотступно кто-нибудь да находился. Мысли в голове путались, перескакивали с одного на другое, и ей никак не удавалось подчинить их себе. Она твердо знала только, что ей надо вспомнить что-то очень важное, и тогда все встанет на свои места.

Находящиеся при ней сиделки и регулярно осматривавшие ее врачи пытались говорить с ней, но она не делала никаких попыток ответить кому-либо, или хотя бы жестом показать, что понимает обращенные к ней слова. Для очередной консультации пригласили самого доктора Фрейда, известнейшего психиатра, посетившего в то время Нью-Йорк. Он провел с ней несколько часов, наблюдая и проводя различные тесты. В конце дня он встретился с профессором Торвальдсеном и, задумчиво постукивая палочкой в золотой оправе по бархатному подлокотнику кресла, сказал, что случай уникальный, и он мог бы классифицировать его как «приобретенный аутизм». Профессору Торвальдсену несомненно, известно, что при крайних случаях аутизма больной погружен в себя, и, практически, ни с кем не вступает в контакт. На осторожный вопрос профессора относительно прогноза доктор Фрейд так же осторожно отметил, что, прежде всего пациентку следует привести в надлежащее физическое состояние, а потом так же осторожно добавил, что, возможно, могло бы помочь сильное нервное потрясение, аналогичное тому, которое привело к болезни. Однако благоприятного исхода в этом случае может и не быть.

Через три месяца, благодаря усилиям врачей и массажиста девочка уже много гуляла по примыкающему к клинике саду в сопровождении сиделки, которая, следуя инструкциям профессора, не отступала от нее ни на шаг. Однако прогресса в ее психическом состоянии почти не наблюдалось. Торвальдсен перевез ее в свой загородный дом на Лонг-Айленде. Для себя он уже решил, что она будет его приемной дочерью, что бы ни случилось с ней впоследствии.

В один из жарких августовских дней восемнадцатого года во время прогулки сиделка вдруг почувствовала себя очень плохо. Она успела довести девочку до дома и прямо в вестибюле потеряла сознание. В наступившей суматохе никто из прислуги не заметил, что девочка отправилась бродить по дому. Нечаянно она попала в кабинет доктора Торвальдсена, где ее и нашли час спустя в полубессознательном лихорадочном состоянии лежащей на полу и сжимающей в руках скомканную газету, которую доктор имел обыкновение прочитывать, вернувшись из больницы. На первой странице газеты была помещена фотография одного из самых больших трансатлантических судов – «Королевы Элизабет», фотографии известных людей, плывших на ней, и кричащий заголовок, напечатанный огромными буквами, извещал о том,

что судно два дня назад торпедировала германская подлодка, но большую часть пассажиров и экипажа удалось спасти. Сочли, что это сообщение и послужило причиной инцидента с подопечной профессора. Никто не обратил внимания, что ниже в одной из небольших заметок сообщалось, что в далекой России вместе с женой и всеми детьми, был расстрелян последний русский царь, Николай Второй. Рядом с заметкой размещалась и фотография царской семьи.

Уже к вечеру девочка пришла в себя, и Торвальдсен, вернувшийся к тому времени домой, к неописуемой своей радости заметил, что она улыбается ему и пытается что-то сказать. Наклонившись к ней, он с трудом расслышал обращенный к нему вопрос на английском, – Кто я?

– Я не знаю, мы нашли тебя в море, на тебе был спасательный жилет, поблизости никого больше не было. Ты помнишь, откуда ты плыла?

– Нет.

– Может, ты помнишь, как тебя зовут?

– ...Асти... мне кажется, что меня зовут Асти, – с некоторой заминкой ответила девочка.

Профессор готов был поклясться, что она сказала неправду, и на самом деле ее зовут не так, и она сама придумала это имя, но промолчал. Больше о своем прошлом Асти ничего не помнила или не хотела вспоминать, как думал иногда про себя профессор. Несмотря на вроде бы имеющуюся частичную амнезию, она великолепно говорила по-немецки и по-французски, чуть хуже по-английски, но последнее было быстро наверстано. Так у доктора Торвальдсена появилась дочь – Асти Торвальдсен. Через два года она вышла замуж за одного из ассистентов профессора, и сейчас, в конце двадцатого века, являлась главой большого американского семейства, включавшего уже и ее правнуков.

Торвальдсен после смерти оставил ей целую медицинскую империю, состоящую из клиники, фармацевтического производства и сети аптек в крупнейших городах страны. Асти предоставила распоряжаться всем этим сначала мужу, а потом сыну, которые упорным трудом создали за эти годы один из крупнейших фармакологических концернов. Сама же она занималась благотворительной деятельностью, основав фонд, помогавший начинающим актерам и художникам.

Дети, внуки и правнуки, каждый по-своему, любили ее. И она, по мере сил, которых, к сожалению, в последнее время становилось все меньше и меньше, отвечала им ровным и постоянным вниманием и заботой. Каждый из них в свое время находил место в семейной империи и вносил свой вклад в благосостояние семейства. Асти часто сравнивала их с цветами на альпийской горке, у каждого свое строго отведенное место, каждый по отдельности, может быть, не так уж и хорош, но все вместе они образуют замечательный цветник. Было только одно исключение на фоне всеобщей благодати, внук Билли – этакий чертополох, выросший вдруг на унавоженной семейным капиталом клумбе. Его с детства интересовала только математика. После школы он без труда получил стипендию и поступил, вопреки уговорам глав семейного клана, в знаменитый Калтех – Калифорнийский технологический институт, находившийся на противоположном конце страны. Отец пригрозил оставить его без какой-либо материальной помощи, что и сделал вскоре, но на Билли это не подействовало. Однако институт он не закончил, так как будучи на третьем курсе организовал компьютерную фирму и вместо учебы целиком погрузился в ее дела. К началу девяностых эта фирма по доходам уже не уступала фармацевтическому бизнесу семьи, а портреты Билли не сходили со страниц печатных изданий и экранов телевизоров. Асти так и не поняла, почему компьютеры стали вдруг так сильно нужны людям, если раньше спокойно обходились без них. Она считала их усовершенствованной пишущей машинкой, да еще детской игрушкой, но очень гордилась успехами внука. Кроме того, их объединяла общая тайна, которую она так и не решилась открыть никому, кроме него.

Как-то раз, когда ему было пять лет, и его отец с семьей летом приехал к Асти на weekend, Билли изрядно расшалился перед сном, и она сама укладывала его спать. Он попросил

бабушку рассказать что-нибудь интересное, пообещав после этого немедленно уснуть. И она рассказала ему историю про принцессу, долго-долго ждавшую свой первый бал. Когда ей было семь лет, один музыкант написал и подарил ей вальс, который должен был исполняться только для нее на балу в честь шестнадцатилетия принцессы, а мама-королева тогда же пообещала разрешить ей одеть свои самые красивые драгоценности в этот день. Но еще до наступления этой даты королевство захватила темная сила, одной только принцессе удалось бежать, да и то она чуть не утонула вместе с пароходом. Билли, неоднократно слышавший историю чудесного спасения бабушки, тут же сделал вывод, что бабушка и есть та самая принцесса, но она сказала, что это страшный секрет, и Билли торжественно поклялся, положив руку на Библию, что никому об этом не расскажет. Так вот и возникла объединившая их тайна.

Ей самой иногда уже начинало казаться, что она придумала эту историю во время болезни или после того, как увидела ту газету, которая так помогла ей в начале ее жизни. Уже много лет спустя, она заказала в библиотеке конгресса копию этого номера «The New York Times» и, оставаясь одна, часто ее перечитывала, как бы пытаясь опять почувствовать то время и те ощущения, чтобы самой утвердиться в том, что та жизнь в России – это реальность, а не плод больного воображения.

А недавно, когда Асти почувствовала себя совсем плохо, она позвонила Билли и велела ему срочно приехать. Во время встречи она дала ему ключ от секретера и попросила принести лежащую там газету. Трясущимся пальцем показала на фотографию.

– Помнишь ту историю про вальс для принцессы? Видишь, это я.

– Так это все-таки правда?

– А ты разве сомневался? Мне казалось, ты сразу поверил.

– Ну, да... когда был маленьким. А после, если честно, я старался даже не думать об этом. Да и успел убедиться на своем опыте, что чудес не бывает. А как получилось, что здесь пишут о твоей гибели?

И тогда она дрожащим старческим голосом, останавливаясь, чтобы передохнуть и попить, рассказала ему все.

Глава 1

1994 год, поезд Иркутск-Москва, понедельник, 11 июля

– Киров через полчаса, два часа опоздания! – прошла по коридору спального вагона проводница.

До Москвы оставалось двенадцать часов езды. Поезд, наклоняясь на повороте, мчался вдоль высокого берега реки. В купе сидели двое. Невысокий поджарый мужчина лет шестидесяти, с выбритой загорелой головой, до предела отодвинул оконную занавеску правой рукой, на запястье которой был наколот штык¹, и внимательно вглядывался вдаль, где далеко за заливленными лугами низкого берега реки угадывались искаженные маревом теплого воздуха сероголубые призрачные контуры далекого города.

– Что, Вальтер, никак уже Москву высматриваешь? – с усмешкой спросил его спутник, крепкий широкоплечий парень в адидасовском спортивном костюме, тоже бритый наголо.

– Ты, Шнур, жизни еще не видел, перед прокурором острить будешь. Видишь, вон за рекой, вдали трубы дымят? Это городок такой, Кирово-Чепецк называется. Я там, в начале шестидесятых срок мотал, вроде как химкомбинат строили. Я-то, сам понимаешь, не работал, в отказе был. Но это не интересно, интереснее другое. В нашем бараке сам Эдик Стрельцов шконку давил. Ты хоть знаешь, кто это такой?

– Ну, Вальтер, ты уж меня совсем за лоха держишь. Футболист он был известный, за «Торпедо» играл. У «Торпедо» стадион имени Стрельцова называется.

– За «Торпедо»... Да он тогда не хуже Пеле играл! Если бы в пятьдесят восьмом вместо тюрьмы на чемпионат мира попал, еще неизвестно, кого бы лучшим футболистом признали, его или Пеле.

– Загадала бабушка после обеда посрать, да пообедать не пришлось. Чего ж он так? Ведь если по-нашему считать, он в авторитетах был, а форшманулся как фраер?

– Шерше ля фам, как говорят французы.

– Чего, чего?

– Баба его подвела. Вроде как по обоюдному согласию все было, а она на следующий день ментам накатила, ну Эдик и попух, да еще Огонька с ним как подельника из футбола выкинули.

А это кто такой?

– Огоньков – защитник был такой, тоже за сборную играл. Ну, его-то никто сейчас не помнит, а Стрелец, как откинулся, еще поиграл. Был даже лучшим футболистом Союза за сезон признан, но в сборную так и не взяли. А жаль, наши тогда на чемпионате мира четвертыми стали, а играл бы Стрельцов, может и в финал попали бы. Да что говорить, дела давно минувших дней.

– Ну и как ему торчалось?

– Сам знаешь, сидеть за мохнатую не в масть, но Эдика не трогали. А я раз ему десять банок тушенки проспорил.

– Как это?

– Ну, он сказал как-то, что в «девятку» и в сапогах пробьет, мы все тогда в кирзе ходили.

– И как, попал?

– Да ворот-то не было. Я поставил ведро с водой на леса. Мячик детский взяли, резиновый, но большой. Помнишь, «Наша Таня громко плачет...», хотя откуда тебе... Ну, он метров с двенадцати как дал, ведро опрокинул, мячик напополам.

¹ Старейший символ воровского мира. Символизировал угрозу, предостережение, силу.

– Да, вот она судьба. Все ведь у парня было, бабки, шалашовки, в авторитетах ходил. А какая-то чувиха весь фарт срубила.

– Ладно, отвлеклись мы что-то, подъезжаем уже к Кирову. Тут стоянка пятнадцать минут, сбегай на телеграф на вокзале. Там на твое имя до востребования телеграмму должны отбить. Мне решить надо, то ли я сразу в Ленинград махну, то ли в Москве осяду.

Шнур вернулся через десять минут, подал Вальтеру телеграмму. Тот прочитал вслух, – последнее место жительства – Москва.

– Ну, вот и решилось, оседаем в Москве. Сходи в восьмой вагон, где радиоузел, дай бабла и отправь телеграмму Чингизу, пусть хату готовит и завтра встречает.

Глава 2

*1994 год, Москва,
понедельник, 11 июля*

С утра небо подернулось серой пеленой низких облаков, и зарядил мелкий дождик. После тридцатиградусной жары, которая стояла всю первую июльскую неделю, это было даже приятно, но Николай Ковалев, высокий крепкий парень, двадцати семи лет от роду, программист по профессии и по призванию, не замечал ни дождя, ни прохлады. Он быстро шел по Новослободской улице и уже пять минут безуспешно искал и никак не мог найти туалет.

Вчера на даче у однокашника и хорошего приятеля, Вовки Асеева устроен был легкий пикничок с шашлыками, пивопитием и двумя милыми воспитательницами из выездного детского сада, который на лето располагался в близлежащих окрестностях. Вовка говорил, что дамы знакомы ему не первый год, вел себя он вначале одинаково раскованно с обеими, поэтому Николай не сразу определил, с какой из них ему приятелем предназначено устанавливать более близкое знакомство. Ему вообще-то сразу понравилась Люда, брюнетка с вьющимися длинными, до плеч волосами и светло-серыми глазами, сочетание для большинства мужиков просто убойное. Как оказалось, Володька не имел ничего против, он усердно ухаживал за смешливой кареглазой фигуристой хохлушкой Оксаной, которая в результате и осталась с ним на даче. А Николай пошел провожать Люду до территории детского сада, ей надо было, как она сказала, подменить ночную нянечку, к которой приехал муж. Да и как-то не подавала она никаких намеков на возможность перевода отношений в другую плоскость в первый же вечер. По дороге в процессе легкого трепа выяснилось, что у Оксаны с Володькой еще в прошлом году прошелестел легкий летний роман. Потом разговор как-то затих. В траве возле тропинки, по которой они шли, безостановочно стрекотали кузнечики, в ближнем перелеске кричала ночная птица. Ночь оказалась теплой, и хотя безлунной, но безоблачной, поэтому было почти светло.

Ворота в заборе, окружавшем территорию лагеря, закрывались в десять вечера. Зная это, Люда сразу направилась к заветной дырке, которая существовала в заборе, наверное, с момента его постройки. Расстались они без излишних церемоний, пожелали друг другу спокойной ночи, Николай отодвинул и придержал две полуоторванных доски, Люда легко скользнула в образовавшуюся щель, как проструилась. Тут на Николая что-то накатило, он окликнул ее и, просунув голову в щель в заборе, поинтересовался, не согласится ли она встретиться с ним в следующие выходные, и сказал, что передаст с Оксаной номер своего рабочего телефона. Люда рассмеявшись спросила, не с головой ли профессора Доуэля она имеет дело, но согласилась, пообещала позвонить в четверг и, еще раз пожелав друг другу спокойной ночи, они разошлись.

Пройдя полдороги до дачи, Николай понял, что пива было выпито много. Он остановился, дернул молнию на джинсах и окропил серебристую в свете еще не угасшей вечерней зари траву. Как всегда после этого наступила легкость и какое-то успокоение, и всю оставшуюся часть дороги он неотступно думал о Люде. Он был холост, периодически у него возникали романы той или иной степени сложности и длительности. В прошлом году он даже чуть было не женился, но когда дело подошло уже к обсуждению места проведения медового месяца (в качестве возможных вариантов рассматривались Венеция и Париж – зарабатывал он неплохо), Николай из случайного разговора узнал, что у невесты есть также альтернативный вариант и для него самого. Он тогда вспылил в разговоре с ней, разругался вдрызг, и в должность мужа его невесты вступил запасной жених. Николай неделю ходил в состоянии мутной злости на весь белый свет. Но все как-то на удивление быстро затянулось и заросло, и, встретив ее случайно через пару месяцев на дне рождения у общих знакомых, он даже, в шутовской правда форме, пожелал ей счастливой семейной жизни и кучу детишек, на что она в ответ

ехидно пожелала ему кучу жен. Любви тут, пожалуй, и не было, была попытка устроить жизнь, стать в общее русло, наконец, обзавестись детьми. В последнее время Николай почему-то все чаще думал о сыне, о том, как они вместе будут строить модели самолетов, как будут ходить в походы, как научит его постоять за себя, у самого Николая был первый разряд по самбо, и, наконец, просто станут друзьями.

А любовь у него была, но вот об этом он старался не думать. Если бы можно, он стер бы кусок памяти, в котором хранились эти воспоминания.

Сразу после университета его на два года призвали в армию лейтенантом. Тут ему относительно повезло, служить пришлось в городке Мирный, который располагался возле космодрома Плесецк, и попал он в отдел новой техники, куда только-только пришли, пожалуй, чуть ли не первые в Союзе айбиэмовские эйтишные персоналки. Он сидел за компьютером не только в рабочие часы, но и большую часть свободного времени, часто даже и в выходные, вследствие чего быстро стал самым знающим специалистом отдела.

А потом приехала она, Нина. Ее мужа, на десять лет старше ее, перевели сюда с Байконура с повышением, по слухам он резво шел в гору. У них были двое детей, мальчики-погодки двух и трех лет. Нине, в отличие от большинства офицерских жен, повезло, она закончила мехмат и смогла устроиться на работу по специальности – программистом. Так она тоже попала в отдел новой техники.

Увидев ее в первый раз, все мужики отдела, что называется, сделали стойку. Ее нельзя было назвать красавицей, но как выразился большой знаток и ценитель поэзии и женщин майор Тимченко, «она неизъяснимой прелести полна». Однако кроме внешних достоинств Нина оказалась еще и умницей, так что через месяц уже консультировала все возрастающий отряд пользователей персоналок, которые отдел новой техники ставил на различных объектах космодрома. Поскольку Николай, несмотря на свое лейтенантское звание и статус двухгодичника, считался в отделе настоящим компьютерным гуру, то Нина часто обращалась к нему по тем или иным делам. Она вроде бы как-то даже и не замечала, что лейтенант Ковалев при общении с ней становится подобен компьютеру – на вопросы по технике отвечает ясно и четко, а при малейшей попытке с ее стороны поговорить о чем-нибудь, не имеющем отношения к работе, становится односложен в ответах, на глазах мрачнеет и ищет любой повод, чтобы закончить разговор и куда-нибудь уйти. Как-то после работы он играл с Тимченко на бильярде в офицерском клубе, и мудрый майор в промежутке между партиями заметил ему,

– Коля, у меня создалось впечатление, что наша Нина на тебя глаз положила, да и ты к ней неравнодушен.

У Николая в этот момент радостно дрогнуло сердце, и он скиксовал при разбое пирамиды, чего с ним отродясь не случалось, играл он почти наравне с Тимченко, который считался одним из лучших игроков в клубе. Однако безжалостный майор продолжил,

– Но ведешь ты себя правильно, упаси тебя бог хоть на миллиметр к ней приблизиться. Муж ее, по слухам, крутенок. Армия, Коля, может человека в бараний рог скрутить и растоптать, так что потом и на гражданке сам себе мил не будешь. И девке жизнь испортишь, а у нее двое пацанов.

Может быть, все само собой и затихло, без каких-либо последствий, но для конструкторского отдела через подставной гражданский НИИ у американской фирмы закупили систему автоматизированного проектирования радиоэлектронной аппаратуры, и группа специалистов направилась в Москву для ее освоения. Задачей Николая и Нины была установка системы у конструкторов, поэтому они ехали только на неделю, чтобы познакомиться с процессом инсталляции. Перед отъездом в первом отделе всех усердно муштровали полдня, объясняя, чего можно и чего нельзя в общении с иностранцами, и заставили, под конец, выучить легенду, согласно которой они представляли телевизионный завод.

Лекции и практические занятия в Москве вели американцы, а в качестве переводчика, как оказалось, выступал тот самый однокашник Володька Асеев, на дачу которого он сейчас возвращался. А тогда, после лекций они решили заскочить в «Арагви», дабы отметить встречу, и Володька, всегда легкий в отношениях с женщинами, моментально уговорил Нину пойти с ними, да она, кажется, и сама была этому рада.

За столом Володька хохмил, рассказывал всевозможные истории из их бывшей студенческой жизни, всячески раздувая при этом роль, которую в них играл Николай. Пару раз он пригласил Нину потанцевать. Когда та вышла на пять минут, он тут же придвинулся к Николаю, поскольку громкая музыка мешала разговаривать.

– Коля, я тебя не понимаю. Такая женщина, и судя по всему, нервно к тебе дышит, а ты как дуб-отшельник дистанцию держишь.

– У нее, между прочим, муж и двое маленьких детей.

– Ого, брат, ты, как я понимаю, серьезно на нее запал. Ну, что ж, благородство, самопожертвование и все такое прочее, понимаю и уважаю, но ей богу жаль, тем более, что в той жизни она, похоже, не слишком счастлива.

После ресторана приятель быстро покинул их, сославшись на необходимость зайти куда-то, а Николай и Нина пошли вниз по Тверской. Начался мелкий сентябрьский дождик, Николай открыл зонт, и Нина, взяв его под руку, тесно прижалась к нему. Мысли у Николая путались, и он молчал, боясь разрушить эту нечаянно установившуюся между ними близость. Они свернули в какой-то переулок. Здесь, в стороне от живущей бурной ночной жизнью Тверской, было тихо и безлюдно. Нина вдруг остановилась, повернулась к Николаю, положила ему руки на плечи и приникла к нему. Он, машинально прикрывая обоих зонтиком от дождя, обнял ее свободной рукой и почувствовал, как мелко трясется ее спина под ладонью. Плачет, понял он.

– Ты что, Нина, что случилось? – тихо спросил он.

– Я так больше не могу, – всхлипывая, прошептала она, и всхлипы лавиной переросли в бурные рыдания, сотрясавшие все ее тело. Буря эта пронеслась и улеглась быстро, они пошли дальше, и Нина, по-прежнему всхлипывая, заговорила. Говорила она торопливо, временами бессвязно, перескакивая с одного на другое, как будто боялась, что этот момент больше не повторится, и надо успеть сейчас выложить все, что тяжелым грузом лежало на душе.

История ее оказалась проста и стара как мир, но легче от этого не было. Мать отказалась от нее после родов, выросла она в Новосибирске в детдоме. Окончив школу с медалью, поступила на мехмат местного университета. По распределению попала на Байконур. Как же – космос, романтика! На поверку романтика обернулась пыльным, продуваемым всеми ветрами панельным городком, который назывался просто и незамысловато – Ленинск. Вокруг на сотни километров простиралась голая степь, зимой покрытая снегом, а в остальное время скудной пожухлой от палящего солнца растительностью. Лишь на несколько недель в году по весне степь становилась маняще красивой, когда она представляла собой море цветов. Тогда хотелось брести по ней куда-то за горизонт или повалиться в цветы, раскинув руки. Но вот этого-то как раз делать и не рекомендовалось. Именно тогда наступал брачный период у змей, и это были не какие-то жалкие российские гадюки размером с пасхальную вербную веточку, а кобра и гюрза толщиной в человеческую руку, укусы которых, особенно весной, почти гарантировал смерть. Увидев однажды такую метрах в пяти от себя, Нина зареклась гулять по степи.

О романтике напоминали только запуски ракет на космодроме. Тогда из степи накатывал далекий, постепенно замирающий рокот, от которого дрожали стекла в окнах. Небо, особенно, если это происходило ночью, озарялось ярким дрожащим светом, и очередное «изделие» устремлялось покорять Вселенную. Однако и этот кусочек романтики преподнес однажды неприятный сюрприз, когда ракета взорвалась, едва оторвавшись от стартового стола. В связи с неудачным направлением ветра, который гнал огромное ядовитое облако гептила к городу, объявили тревогу. К счастью все обошлось, а вдобавок неправильный ветер этот при-

нес в Ленинск бравого подполковника космических войск, помощника одного из генералов, присланных заменить кое-кого из проштрафившегося руководства космодрома. Подполковник Романов был молод, умен, спортивен и недавно разведен. С Ниной он столкнулся, в прямом смысле этого слова, в фойе местного кинотеатра, когда она отходила от стойки буфета, держа в руках чашку кофе и тарелочку с пирожными. В результате пирожные оказались на полу, но взамен через два месяца Нине были предложены рука и сердце. Казалось, что сбывается главная мечта ее жизни. Сколько она себя помнила, все игры и разговоры с подружками в детдоме, особенно после отбоя, сводились к тому сказочному будущему, которое обязательно наступит когда-то. Сначала у всех это была мама, которая, конечно, скоро найдется, и тогда все будет хорошо. Потом место мамы, которая так и не пришла, занял Он, самый лучший, красивый, и чтобы обязательно носил на руках. Им всем хотелось любви, дома, семьи, и вот все это, казалось, лежало у ее ног. Конечно, она согласилась, почти не раздумывая, и, мечта, как казалось, начала сбываться. Квартиру в Ленинске им дали сразу же после свадьбы. Через десять месяцев родился первый сын, а еще через год – второй. Было тяжело управляться с обоими, хорошо, помогала пожилая соседка, жившая в соседней квартире. Но как раз в это же время пришло осознание того, что муж оказался совсем не тем человеком, которого, она видела в своих мечтах. Его в первую очередь заботила карьера, он твердо решил для себя, что станет генералом до сорока лет, и делал для этого все. У него не было друзей, потому что общался он только с нужными людьми. Для того, чтобы достичь цели, он должен быть в хорошей физической форме, и он четыре раза в неделю занимался гиревым спортом. Что бы ни случилось в семье, на первом месте должны были быть его интересы. Он считал, что у него должна быть лучшая жена и лучшие дети. Но это они должны были быть для него, а не наоборот. Вдобавок ко всему он оказался патологически ревнив. Ей с трудом удалось отвоевать право пойти на работу, когда его перевели в Плесецк, да и то только потому, что нашлась замечательная няня, которую им порекомендовал непосредственный начальник ее мужа. Он же уговорил его отпустить ее в Москву.

Николай молча слушал торопливый сбивчивый рассказ. Сознание его как бы раздвоилось. Одной половиной он жадно воспринимал Нинины слова, понимая, что эта исповедь предназначена очень близкому человеку, может быть любимому. Ему очень хотелось, чтобы оказалось именно так. А вторая половина сознания, как ни стыдно было ему это понимать, холодно оценивала варианты развития событий, и оценки эти не сулили ничего хорошего. Можно, конечно, очертя голову кинуться в этот любовный омут, а, если честно, то этого просто нестерпимо хотелось, но здравый рассудок предлагал подумать о дальнейшем развитии событий. И у него и у нее, как говорится ни кола, ни двора. Служить ему еще полтора года, и он понимал, что это время ему придется провести в каком-нибудь забытом богом месте, где вокруг станции телеметрии и барака для обслуживающего подразделения на десятки, если не сотни, километров вокруг не будет ничего кроме раскисшей болотистой тундры. Увезти ее на это время домой к своим родителям? Но мать явно воспримет в штыки невестку откуда свалившуюся невестку с двумя чужими детьми. Да и о чем говорить, они с Ниной еще и не прикоснулись друг к другу, а для того, чтобы нормально устроить все, нужно, чтобы они были женаты, то есть ей предстоит пройти процедуру развода с полковником Романовым. Учитывая же наличие детей, процесс этот в «самом гуманном в мире» советском суде мог затянуться минимум на полгода.

Николая как будто заморозили, он не мог ни сказать ничего, ни сделать. Нина, выговорившись, замолчала, вопросительно глядя на него. Так и прошла эта минута необычайной эмоциональной близости, когда можно было повернуть ход событий, когда любовь перевешивала все остальное. Наступило неловкое молчание. Нина смущенно высморкалась, торопливо комкая, убрала носовой платок и быстро пошла по направлению к Тверской не глядя на Николая. Он догнал ее, не решаясь дотронуться до нее, и все так же молча пошел рядом. Не выходя на Тверскую, она остановилась под фонарем, достала из сумочки зеркальце и бумажные сал-

фетки и, подставляя лицо каплям дождя, смыла расплзшиеся под глазами потеки туши с ресниц.

Так, ни слова не говоря друг другу и стараясь не встречаться взглядами, они доехали на троллейбусе до гостиницы. Когда они подошли к ее номеру и остановились перед дверью, оба одновременно хотели что-то сказать, встретились глазами и... Кто знает, что случилось бы дальше, по крайней мере, у них могла быть ночь, о которой можно было вспоминать, но из соседней двери вышел вдруг капитан из их группы. Нина моментально повернулась и, ни слова не говоря, вошла к себе. Николай, неловко поздоровавшись с капитаном, тоже пошел в свой номер на два этажа выше.

На следующий день Нина сидела на занятиях в другом конце кабинета и за весь день ни разу к нему не обратилась. А после занятий к Николаю подошел официальный руководитель их группы и сказал, что ему, Николаю, необходимо задержаться на неделю в Москве и в понедельник явиться в один из закрытых НИИ, где совместно с другими специалистами придется заняться неблагоприятным делом – предстояло вскрыть защиту количества инсталляций американской системы. Официально она была закуплена для использования на одном предприятии, в то время как установить ее предполагалось почти в десятке НИИ и КБ, связанных с оборонной отраслью, что позволяло государству сэкономить несколько миллионов долларов. Нина уехала в Мирный одна.

Назначенный для выполнения взлома срок оказался излишне оптимистичным, и Николай вернулся на космодром только через две недели. Когда он пришел на работу, то его в первую очередь удивило, что встреченный им в коридоре сослуживец поздоровался с ним с каким-то смешанным выражением удивления, любопытства и сочувствия на лице, как будто бы хотел при этом сказать, – Ну что ж ты брат, как ты мог? Не ожидал!

В комнате на рабочем месте Нины сидел незнакомый лейтенант и читал руководство по инсталляции системы, которое Нина увозила с собой. Ни ее самой, ни принадлежавших ей вещей видно не было. В комнату заглянул майор Тимченко, – Ковалев и Исаев, к начальнику.

Незнакомый лейтенант поспешно встал и вышел, Николай двинулся за ним. Когда они вошли в кабинет начальника отдела, тот разговаривал по телефону. Нетерпеливым жестом он оборвал начавшего было по всей форме рапортовать о своем прибытии Исаева и махнул рукой в сторону стульев. Закончив разговор, он сказал.

– Знакомься, Ковалев, это наш новый специалист, лейтенант Исаев. Тебе дается две недели, чтобы ввести его в курс дела, после чего ты убываешь по новому месту службы.

Ошарашенный Николай молчал, ничего не понимая, потом спросил, – А как же Нина... Романова.

– Вольнонаемная Романова уволилась по собственному желанию. Исаев, свободен, а ты, лейтенант Ковалев, останься.

Когда Исаев вышел, полковник, барабанив пальцами по столу, хмуро сказал, – Тебя Тимченко предупреждал?

– О чем? – недоуменно спросил Николай, – А, да, конечно...

– Скажи спасибо, что ты после успешной работы на слуху у начальства, поэтому едешь не в какую-нибудь дыру вроде станции телеметрии на Чукотке, а в центр управления полетами в Подмосковье. И впредь рекомендую хорошо обдумывать свои поступки, особенно, когда от них зависит судьба другого человека.

Две недели Николай прожил как в тумане. Он несколько раз пытался позвонить днем Нине домой, но там никто не брал трубку. Всезнающий Тимченко сказал, что она с мужем и детьми уехала в санаторий в Сочи. Затем Николай отбыл на новое место службы и больше Нину никогда не видел. Сейчас все это тоже прошло и отболело, но иногда наплывало как наваждение, и он стряхивал это состояние, до одури нагружая себя какими-нибудь физическими действиями.

Добравшись до Вовкиной дачи, он не пошел в дом, чтобы не смущать стуками дверей и прочими шумами своего друга и его пассиву, а устроился на широкой лавке в предбаннике старой баньки, подложив под голову накрытые полотенцем веники.

Сегодня же утром пришлось встать довольно рано, так как машина была в ремонте, приехал он к Володке на электричке, и обратно предстояло добираться так же. Около двух часов пришлось простоять в прокуренном тамбуре забитого едущими на работу в столицу пассажирами вагона, и уже где-то на полдороге он почувствовал, как крутит у него в животе. На Савеловском вокзале первым делом бросился в туалет, слава богу, полегчало. Видимо то ли пиво оказалось несвежим, то ли достался ему плохо прожаренный шашлык. Ну, сейчас причина не имела значения, он уже опаздывал на работу. Николай сел на троллейбус, но стоило ему проехать пару остановок, как живот скрутило так, что он, расталкивая пассажиров портфелем, продрался через уже закрывающуюся дверь и выскочил на улицу. На Новослободской, как назло, поблизости туалетов не оказалось. Пришлось углубиться в старые кварталы, где, как он знал, часть домов, постройки еще чуть ли не девятнадцатого века, уже была выселена и частично снесена.

Под ногами хрустел битый кирпич. Посреди двора, образованного старыми трехэтажками, стоял огромный мазовский автокран со зловещего вида черным с побитыми боками шаром, свисавшим со стрелы на длинном тросе. Дизельный движок крана нещадно чадил сизыми вонючими выхлопами солярки, хотя обе кабины, водителя и крановщика оказались пустыми. Николай огляделся и быстро направился в единственный подъезд старой заброшенной трехэтажки, в которой вместо окон зияли пустые темные проемы. Двери в квартирах на первом этаже тоже напрочь отсутствовали. Николай заскочил в ближайшую, по привычке цивилизованного человека кинулся было в туалет, но в носшибануло так, что он поспешно метнулся в одну из комнат и пристроился над просветом между двумя половицами. Спазмы, буквально выворачивающие наизнанку, шли один за другим. Так он просидел, наверное, минут десять, пока рези в животе не прошли. Хорошо еще, что в портфеле оказался старый номер спортивной газеты.

Когда Николай поднялся на дрожащих от слабости ногах и уже застегивал джинсы, он услышал, как несколько человек прохрустели по битому кирпичу во дворе и зашли в тот же подъезд.

Строители, наверное, – мелькнуло в голове у Николая. Он великолепно понимал, что ничего криминального не совершил, не он первый побывал здесь со столь неприглядной целью, да и сами строители вряд ли куда-то далеко бегали по нужде. Но все равно, чувство какой-то вины перед незнакомыми людьми слегка свербилло внутри, как у первоклассника, который первый раз пришел в школьный туалет, где двери с кабинок давно уже сняты, и вот ему при целой толпе сверстников надо присесть по-большому, как на сцене, на бетонном возвышении, в которое вделан унитаз. Мало кто при этом способен почувствовать себя артистом и с блеском исполнить старую как мир роль.

Николай помедлил, ожидая, что строители пройдут либо выше, либо в другую квартиру, но шаги приблизились, и в дверном проеме возник здоровенный небритый жлоб в мятом пиджаке на голое тело, в потрепанных трениках и старых кроссовках, причем из обеих торчали большие пальцы ног, похоже через специально вырезанные дыры. Из-за спины жлоба выглядывали еще двое. Один маленький, кругленький, одетый в желтый строительный комбинезон, второй – длинный, ростом со жлоба, но в отличие от него тощий как сосиска. Худобу его не скрывал даже просторный потрепанный зеленый, похоже, хирургический костюм, болтавшийся на нем как на водопроводной трубе.

О, блин! – сказал маленький, – Смотри, мужики, никак у нас гости, да еще с портфелем. Небось, интеллигент! Щас он нам мораль прочитает.

Какие нахрен гости, – неожиданным басом отозвался тощий. – Ты понюхай, он в хате наслал! Ну-ка, Гриня —подтолкнул он жлоба в спину, – объясни интеллигенту что к чему.

Ща! – прохрипел жлоб. —Ща трохи поучим!

Он, тяжело ступая, направился к Николаю.

– Стой, мужики! – крикнул Николай, понимая, что ситуация оборачивается в опасную для него сторону. – Даю пятьдесят долларов в качестве моральной компенсации, и расходимся.

Он вытащил из кармана джинсовки зеленую бумажку, которую утром как раз собирался поменять в обменнике возле своего офиса, помахал ею перед носом замершего как собака на стойке жлоба, и осторожно отошел на пару шагов назад.

– Ни хрена себе! – возмутился тощий, – Ты, можно сказать, душу нам своим дерьмом испакостил, а хочешь бумажкой отделаться. Гриня, начисти ему чавку, да посмотри, что у него там еще в карманах есть!

Жлоб опять двинул вперед, а за ним, как пехота за танком, не опережая, но и не отставая, пристроились два соратника. Николай, помня, что лучшая защита – нападение, подскочил к Грине. Тот, от души размахнувшись, запустил кулак в голову Николая. Попади он, тут бы и кончился жизненный путь программиста Коли Ковалева. Но сработали закрепленные пятью годами занятий самбо рефлексy. Николай присел, и, когда ядреный Гринин кулак, могуче рассекая воздух, как ракета пронесся над его головой, он правой рукой быстро ухватил Гриню за лацкан пиджака, сильно дернул его на себя, выводя из равновесия, одновременно еще глубже подсел, левой рукой ухватил переднюю ногу противника и, с трудом поднимаясь, провел классическую «мельницу». Гриня глухо ухнул, приземляясь спиной на кучу кирпича, что-то у него внутри громко екнуло и булькнуло, как если бы там был бурдюк с водой, и Гриня затих, словно бык на арене корриды, когда у него уже торчит из загривка шпага тоreadора.

Николай, подхватив портфель, бросился к выходу. Оставшиеся без тяжелого прикрытия пехотинцы порскнули в стороны, как зайцы от волка. Но недооценил их Николай. Тощий, уходя с его пути, подхватил с пола половинку кирпича и с поворота, развернувшись пружиной, как метатель диска, запустил ему вслед. Кирпич глухо хрястнул в затылок, и Николай, замерев в бегу, осел на подогнувшихся ногах и упал на спину.

Маленький с опаской уже подвигался к нему, когда его окликнул тощий, который сидел на корточках над жлобом.

– Бля буду, Банан, Гриня копыта отбросил!

Маленький кинулся к нему, склонился над Гриней. Вдвоем они тормозили его, хлопали по щекам, но недвижим был Гриня, как куча кирпича, на которой он лежал.

Осиротевшая парочка подошла к Николаю. Они порылись в карманах и кроме полтинника нашли еще триста долларов, поскольку в пятницу в офисе Николая была еженедельная получка. Банан открыл портфель, вытряхнул его, но там кроме пластиковой папки-уголка с бумагами и пары толстенных книг на иностранном языке ничего не оказалось. Банан на всякий случай потряхнул каждую из книг, держа обеими руками за переплет, отбросил их в сторону, потом вытряхнул бумаги из папки, белые листы усеяли пол. Затем он наклонился над Николаем, потрогал его.

– Слышь, Хирург, а этот ведь, похоже, тоже готов.

– Вот это ни хрена себе! А че делать-то? Участковый же нас срисовал, когда мы сюда шли.

Троица бомжей квартировала в пустом доме уже третью неделю. Рынок, расположенный рядом, возле метро Новослободская, какое-никакое, а пропитание давал. Стояло теплое сухое лето, квартал был тихий, жильцы из ближайших домов выселены, благодать, да и только Идиллию омрачал только участковый Семеныч, который, несмотря на близкую пенсию и опустевший квартал, бдительно нес службу. Троицу он засек быстро, припер к стенке, когда они ужинали вареной курицей, которую им послала в этот день удача в лице зазевавшегося лоха на рынке. У Грини и Хирурга имелись даже паспорта, которые Семеныч и изъял, сказав, что

вернет в любую минуту, при условии, что они после этого исчезнут с глаз его долой. Но место было хорошее, никто их особо не беспокоил, и троица медлила выполнять условие коварного участкового, пути с которым у них все же периодически пересекались.

– Может, закопаем? – предложил Хирург.

– Да, блин, двоих ты до вечера закапывать будешь, особенно Гриню, тут тебе не поле, кругом асфальт, да кирпич. Опять же строители тут.

– Слушай, Банан, твою мать, ты же вроде как механизатором в колхозе работал?

– Ну, дак чего?

– С автокраном разберешься?

– Чего разбираться-то, работал я на них.

– Давай тогда этой хреновиной пару раз по дому трахнем, их завалит и все дела. А мы паспорта у участкового заберем и смотаем. Все равно ведь сегодня собирались из-за сноса куда-нибудь переселяться. На Гринин фотографию с твоей рожей переклеим, у меня есть тут один знакомый возле Савеловского вокзала, сделает, а потом мотнем куда-нибудь подальше, деньги есть сейчас.

– А строители придут?

– Да ты что, они за получкой побежали, а потом мимо магазина не пройдут. Их еще час, небось, не будет. Давай быстро, перетаскиваем жмуrow к стене, чтоб получше завалило!

Пристроив недвижимые тела поединщиков, деловая парочка рысцой поспешила к автокрану. Банан влез сначала в кабину шофера, переключил там что-то. Затем сел в кабину крановщика. Хирург взялся осуществлять общее руководство, встав под стрелой перед кабиной. Он как дирижер махнул рукой влево, и стрела крана послушно пошла за взмахом руки, за ней с отставанием лениво потащился чугунный шар. Так понемножку Банан раскачал его на полную амплитуду стрелы и троса. Когда шар достигал крайних точек размаха, колеса с этой стороны автокрана слегка отрывались от земли. Кран переваливался с одного бока на другой как корабль на волнах, поскольку боковые опоры знатный механизатор Банан выдвинуть забыл. Но даже в крайней точке шар не касался стены дома, чуть-чуть не доставал, буквально считанные сантиметры.

Движок крана тарахтел как нанятый, перекрывая все звуки в округе, поэтому Хирург, улучив удобный момент, когда все четыре колеса крана встали на землю, подтянулся на руках, ухватившись за кабину, и прыгнул на край дверного порожка, благо дверь у кабины вообще отсутствовала. Укрепившись на порожке, он проорал в ухо напарнику – Слышь, Банан, трос немного страви на обратной отмашке, а то не достает. И как можно быстрее стрелу к дому разворачивай, чтоб вдарило как следует!

Банан выпустил метр троса, когда стрела в очередной раз шла от дома, и от души, до отказа рванул рычаг поворота стрелы в обратную сторону. Чугунный шар с глухим треском вломился в стену дома между первым и вторым этажами и исчез в туче пыли. Автокран повело вслед за шаром, он встал на два колеса, и мгновение стоял так, словно не решаясь двигаться дальше. В этот момент дом как-то надсадно крякнул и осел в районе пролома. Старая двускатная крыша прогнулась в середине, дом был похож сейчас на старую больную птицу, в последний раз расправившую крылья перед тем, как упасть на землю и умереть. Кран рухнул на бок, двигатель заглох, и во дворе наступила тишина, правда, тишина городская, представляющая собой ровный шумовой фон от сотен машин, движущихся по соседним улицам.

– Едриж твою в кочерыжку! Ну, ты и козел!

С этими словами из кабины вылезла длинная тощая фигура Хирурга, сейчас уже в непонятно какого цвета одеянии. За ним на четвереньках выползал обхаянный механизатор широкого профиля. Они подошли к родимому подъезду. Войти внутрь не представлялось возможным, часть стены первого этажа рухнула отдельными блоками кирпичей, штукатурка местами

отвалилась, обнажив решетку серой дранки, а местами висела на этой дранке. Над всем этим месивом угрожающе нависли надломленные балки деревянного перекрытия второго этажа.

– Ну, теперь тут хрен кого найдешь, – нарушил молчание Банан. – Давай почистимся и к Семенычу. Скажем, что Гриня за билетами ушел, возьмем документы и слиняем. У меня в Савелове кореш, у него в сарае перекантуемся, да и сейчас можно на грибах деньгу зашибить.

Прохрустели шаги по двору, две серые фигуры, одна низкая, другая высокая исчезли между домами, и опять наступила тишина, нарушаемая только какими-то скрипами, тресками, шорохами в полуразрушенном доме, потревоженные части которого пытались обрести хоть какое-то равновесие, чтобы просуществовать тот недолгий отрезок времени, который им оставался.

Дом в свое время был построен Петром Свечниковым, купцом первой гильдии, которому кроме этого дома принадлежали еще штук пять таких же, расположившихся по всему району вплоть до Бутырки. Строил он основательно, – дубовые перекрытия, кирпичные стены чуть ли не метровой толщины, которые хорошо держали тепло зимой и давали прохладу летом. Дом строился как доходный, было в нем около десятка неплохих квартир, в которых жили приличные господа, среди них числились даже помощник начальника Бутырской тюрьмы и бухгалтер известного магазина Мюра и Мерилиза. Жить бы в этом доме купеческим жильцам, поживать, да деньгу наживать. Но пришел семнадцатый год и прикрыл все купцовы дела. В водовороте тех дней пропал и Петр Свечников и все его жильцы. А дом приютил, обогрел и вырастил в своих, теперь уже коммунальных квартирах не одно поколение совсем других людей, которые и не знали, кто его построил, и кто тут раньше жил. Сейчас и они все поразъехались, и пришла пора дому умирать, хотя и крепок он был. Но напоследок дом сослужил еще одну службу.

Николай очнулся, открыл глаза, но ничего не увидел. Кругом царила кромешная тьма. Он сделал попытку протереть глаза, но с ужасом ощутил, что не чувствует левой руки. Жутко ломило затылок, очень хотелось пить. Правой рукой он попытался определить, что же случилось с левой. Оказалось, что на ней лежал тяжелый кирпичный блок, который ему с большим трудом удалось чуть-чуть отклонить от себя. Подвинувшись всем телом, он вытащил зажатую руку из-под кирпичей и начал разминать и массировать ее сверху вниз. Он помнил, что у него болел живот, что он зашел в какой-то двор, где стоял автокран. Вспоминался какой-то здоровенный мужик, который почему-то угрожал ему, Николаю, но все остальное тонуло как в сумраке.

Рука начала отходить, сначала по ней побежали мурашки, превратившиеся в остро-зудящее, до нетерпения, ощущение, когда он попытался пошевелить пальцами. Потом от плеча к запястью пошла теплая волна, и, наконец, он почувствовал пальцы. Слава богу, кости оказались целы, а ноги свободны, только сильно болело ушибленное чем-то колено.

Николай сел и попытался наощупь определить, где же он находится. Вытянув руки, он нащупал над головой деревянную балку, на которой лежал огромный цельный кусок стены. Ему повезло, что балка одним концом легла на пол, а вторым осталась держаться на уцелевшей стене, и что она выдержала вес части другой, упавшей стенки.

– Как шалаш у Ленина в Разливе, – почему-то мелькнуло у него в голове. Немало сам подивившись пришедшему на ум сравнению, он прополз в ту и другую сторону своего укрытия и понял, что основательно завален. Начал разбирать завал с одной стороны, но опять наткнулся на цельный кусок стены, даже пошевелить который он был не в состоянии. Пришлось попытаться выбраться в другую сторону. Здесь дело пошло лучше, небольшие кирпичные блоки и прочий мусор он отбрасывал за спину, и через полчаса работы впереди открылся просвет. Глаза сразу заслезились от яркого света, снаружи уже вовсю сияло солнце, хорошо в кармане лежал носовой платок. Еще через пять минут, отвалив наружу с помощью ног наиболее крупные куски упавшей стенки, он выбрался в уцелевшую часть комнаты возле углового окна.

Аккуратно забравшись на подоконник, осторожно сполз во двор. Ноги и руки дрожали, он присел на какую—то доску и расслабился.

Увидев лежащий на боку автокран, он сразу вспомнил, что же собственно произошло до того, как он потерял сознание. Тут он произвел ревизию содержимого своих карманов и понял, что остался без денег. Бумажник он еще в пятницу с утра оставил дома, машина была в ремонте, после работы сразу собирался за город, поэтому одел джинсу, а в джинсовой куртке с бумажником неудобно. Получка растворилась вместе с бомжами. В принципе до офиса недалеко, три остановки на троллейбусе, но он не мог себе позволить появиться там в таком виде, все-таки представительство одной из крупнейших американских компьютерных фирм. В метро тоже не сунешься, милиция или заберет или выгонит наверх. Тормознуть бомбилу, с которым можно было бы расплатиться, взяв деньги дома, в таком виде не получится. Тут он с досадой вспомнил, что в прошлый четверг посеял где-то кредитку. Пропажу обнаружил, сразу же выйдя из магазина, где ей и расплачивался, вернулся обратно, но кассирша сказала, что карточку он взял. Николай смутно помнил какого-то невзрачного парнишку, вертевшегося рядом с ним при получении портфеля из камеры хранения, но того тоже нигде не было видно. Из расположенной рядом с магазином телефонной будки, он позвонил в банк и сообщил о потере карточки, но восстановить ее обещали только через две недели. Тогда он обошелся теми, деньгами, что были дома, а на работе попросил в бухгалтерии, чтобы ему временно выдавали зарплату наличными.

Сейчас же он нашел тысячу рублевой бумажной мелочи в заднем кармане джинсов, на поездку домой с двумя пересадками на троллейбус и автобус хватало. В переходе купил три талончика и вскоре благополучно оказался в уже почти родном Алтуфьеве. Было уже около часа дня. Позвонив на работу, он договорился об отгулах на три дня, благо такая возможность имелаась. Помывшись и по мере возможности обработав ободранную местами кожу и на ощупь смазав перекисью ссадины на затылке, принял пару таблеток снотворного и активированный уголь, с трудом проталкивая в горло с помощью кружки воды шершавые, как наждачная бумага таблетки, и благополучно вырубился до утра.

Глава 3

1994 год, Москва, вторник, 12 июля

На следующий день Николай проснулся рано, чуть слышно пощелкивающие настенные часы показывали еще только шесть утра. Левая рука распухла и болела, саднило затылок, под волосами прощупывалась огромная шишка. Ушибленное колено тоже ныло, но тут Николай вспомнил про портфель. Вчера он как-то забыл про него. Прежде всего, портфель стоил весьма недешево сам по себе, поскольку был из настоящей крокодиловой кожи. Его подарили Николаю, когда он проводил в Штатах в головном офисе фирмы презентацию своей разработки. Кроме того, там лежали две книги по новым компьютерным технологиям, которые его коллега только-только выписал из Штатов, заплатив за это около пятисот долларов. Подумав, Николай решил, что стоит съездить и попытаться добраться до потери, если дом еще не снесли.

Он позвонил в авторемонт, работать там начинали рано. Его «мазда», слегка помятая в недавней аварии, была уже готова. Он доехал до мастерской на автобусе и через пятнадцать минут оказался около места, где вчера все так неудачно сложилось. Машину пришлось оставить на Новослободской. Он достал из багажника домкрат и перчатки, и прошел во двор, где все так же на боку лежал автокран. Во дворе по-прежнему было пусто, и кран валялся в том же положении.

Николай надел перчатки, и с домкратом в руке подошел к окну, из которого вчера вылез. Прикинул, где был портфель, когда он бежал к выходу. Получалось, что нужно лезть в «шалаш» и отваливать кусок стены, закрывавший второй выход. Он влез в окно, расчистив проход, добрался до мешавшей ему преграды. Но основание домкрата не во что было упереть, пришлось сходить за топориком, вырубить в половице ямку для упора. Покачав несколько минут домкрат, удалось отодвинуть блок кирпичей, который упал, с грохотом развалившись. Николай осторожно выглянул из шалаша и обомлел. Портфель лежал почти рядом, придавленный черным куском чего-то похожего на битум. Возле него лежали драгоценные книги. Листы черновика проекта, который он возил на дачу к Володке Асееву, чтобы узнать его мнение, оказались почему-то разбросаны по полу, но на них можно было плюнуть, распечатать новый экземпляр-дело пяти минут. Зато дальше возле стенки тихо прикорнул вчерашний жлоб. Судя по тому, что здоровенное чугунное ядро, придавившее ноги, не мешало ему, как и густо облепившие его мухи, беспокоиться о его здоровье уже не стоило. Николай придвинул портфель к себе и хотел отбросить черный камень, лежавший на нем, и оказавшийся не по размеру тяжелым, как вдруг от камня отвалился тонкий плоский черный кусок и упал на один из рассыпанных листов. На месте обломка виднелась грубая мешковина. Николай тряхнул находку, внутри мягко шевельнулось что-то увесистое. Он решил внимательно обследовать эту вещь дома. Аккуратно спустил за окно свои инструменты. Перевесившись через подоконник, еще аккуратнее опустил на землю портфель. Положив на подоконник странную находку, вылез во двор. Подобрав вещи, он пошел к машине, положил все, что держал в руках, в багажник и поехал домой.

Когда Николай уходил со двора, в открытом окне дома, стоявшего через двор напротив развалюхи, блеснул солнечный зайчик. Этот дом еще не выселили полностью, и в квартире на третьем этаже двое братьев-близнецов, Олег и Игорь, двенадцати лет от роду, от нечего делать рассматривали окрестности в старый трофейный, привезенный после войны из Германии дедом, цейссовский бинокль. Квартира была заставлена тюками и коробками, завтра семья собиралась переезжать на новое место в далекое Митино. Родители ушли по делам, а братья рано поднявшись, не знали чем заняться. Любимое занятие – компьютер, уже упаковали, телевизор и книги тоже. Удалось найти бинокль. Он, несмотря на потертый вид, оптику имел пре-

восходную, и братья сначала смотрели на бледно-серый диск луны, которая сегодня взошла с утра и сейчас висела в синем июльском небе прямо над развалюхой. Потом они заметили странные действия человека, пытавшегося зачем-то залезть в окно дома, который вчера два каких-то, по общему мнению братьев, придурка пытались развалить, уронив при этом кран. Братья этот момент как раз видели и, надо сказать, были в полном восторге.

Увидев, что незнакомец ушел, они подождали минут десять и, выйдя во двор, подошли к окну, в которое он лазил. Помогая друг другу, они влезли туда, а через пару минут бледные и перепуганные уже выпрыгнули обратно и быстро ринулись к себе домой. Вбежав в квартиру и тщательно заперев двери, братья пришли в себя. Постепенно впечатления от вида Грининового трупа растворились в соображениях по поводу того, что можно было бы из этого извлечь полезного. Они были горазды на выдумки. Общим решением определили план действий – позвонить в милицию и посмотреть, что они будут делать, но на глаза ментам не показываться, а то еще припутают. При этом был обсужден и составлен текст сообщения, в которое вставили даже такой технический термин, как «чугунная баба», обозначающий шар, которым кран крушил дома в округе.

Братья не стали звонить из дома, поскольку знали о возможности определения телефонного номера звонящего абонента. У них у самих в квартире стоял телефон с автоматическим определителем. Они пошли к ближайшему телефону-автомату, и Игорь, который мастерски умел подражать голосам, набрал 02 и «включил взрослый голос», – Во дворе дома пятьдесят шесть по Новослободской сносят трехэтажку. Там в комнате под чугунной бабой лежит труп, – бодро отрапортовал он и повесил трубку. Оставалось только ждать, что предпримет милиция. Чтобы ожидание не было томительно скучным, они купили большой брикет пломбира и с комфортом расположились в своей квартире около окна, выходящего во двор. Ждать пришлось долго, но развернувшиеся во дворе события вознаградили ожидание с лихвой.

Николай же вернувшись к себе домой, первым делом расстелил на столе газету, достал пассатижи, ножницы и скальпель из ящика стола, где держал инструменты. Осторожно снял с находки черное покрытие, оказавшееся то ли гудроном, то ли высохшим варом, который как вспомнил Николай, дедушка в деревне использовал для приготовления дратвы, когда подшивал валенки. Под почерневшей мешковиной явно прощупывалась большая металлическая коробка. Николай осторожно взрезал ножницами мешковину и вытащил оттуда старинную красивую жестяную коробку в виде стилизованного сундучка, на верхней крышке которого крупно было написано – Шоколадные конфеты «Ампирь», а чуть пониже буквами помельче – «Эйнемъ, товарищество паровой фабрики шоколада, конфет, и чайных печений. Год основания 1867».

– Ну, – потер руки Николай, – сейчас попьем чайку с конфеточками, которым, небось, сто лет в обед!

Он аккуратно поддел крышку лезвием столового ножа и открыл коробку. Там лежал завернутый в пергаментную бумагу тяжеленький сверток. Николай снял с него первый слой бумаги, второй, третий. На столе перед ним лежали: плоский вишневого цвета бархатный футляр, размером почти с коробку, но значительно более тонкий, прямоугольный сверток и два увесистых длинных столбика, тоже завернутых в пергаментную бумагу. Николай неудачно развернул один из столбиков, по столу раскатилась кучка желтых монет с двуглавыми орлами на одной из сторон и профилем Николая Второго на другой.

Ничего себе! – ахнул он про себя, – как в кино, настоящий клад! Да, дом же очень старый, кто-то, наверное, в семнадцатом году или в гражданскую припрятал. И коробка из-под конфет тоже дореволюционная.

Вишневый бархатный футляр лежал вверх дном. Он перевернул его и, совершенно обалдев от увиденного, чуть не выронил из задрожавших рук. На верхней крышке футляра золотом был вытиснен двуглавый орел, ниже витиеватым шрифтом с завитушками выделялась над-

пись «К. Фаберже», а еще ниже строгим четким шрифтом шли названия трех городов, «Санкт-Петербург – Москва – Лондон».

Николай нажал боковую защелку и трясущимися от волнения руками открыл футляр. Многочисленные искорки солнца брызнули в глаза, отразившись от россыпи прозрачных и зеленых ограненных камней. Камни были вмонтированы в тончайшего узора подвески из белого металла, которые крепились к нескольким параллельно идущим цепочкам, образующим полумесяц. В центре каждой подвески находился сравнительно большой, с ноготь мизинца, зеленый камень, а вся подвеска была усыпана другими, – совсем крошечными прозрачными кристалликами.

– Изумруды и бриллианты! —мелькнуло у него в голове.

Николай как-то посещал с одной подружкой чехословацкий магазин «Власта», где та надолго зависла над бижутерией, и знал, что подобного рода изделие называется колье. Слева и справа от колье в небольших углублениях лежали такого же тончайшего узора сережки, тоже с разноцветными камнями. Николай взял в руку сережку, удивился ее осязанию, несмотря на ажурность, весу, подошел к окну, осторожно провел краем сережки, на котором прилепились крошечные ограненные кристаллики, по стеклу. На стекле остались две легкие параллельные царапины. Точно, бриллианты! Он, как во сне, вернулся к столу и положил сережку на место. Информация об аукционах Сотбис и Кристи сейчас регулярно появлялась в прессе, и он понимал, что если говорить о стоимости колье и сережек от Фаберже, то речь будет идти даже и не о десятках, а, пожалуй, о сотнях тысяч долларов. Машинально он взял в руки сверток, завернутый в пергаментную бумагу, и стал его разворачивать. Делал он это уже совершенно автоматически, без интереса, все чувства были как бы заморожены. Когда он снял бумагу, в руках у него оказался изящный деревянный футляр из карельской березы с овальными краями и углами. На футляре оказался вытиснен тот же двуглавый орел и те же надписи: «К. Фаберже», «Санкт-Петербург – Москва – Лондон». Николай открыл футляр. В принципе он уже знал, что там. В гнездышке футляра сверкнуло голубой эмалью, золотом и блеском камней одно из знаменитых императорских пасхальных яиц Фаберже. Опоясывающие яйцо золотые вензеля в одном месте образовывали небольшую рамку, в которой находился миниатюрный портрет мужчины с умным, исподлобья взглядом, в военной форме с голубой Андреевской лентой через плечо и орденской звездой на груди. У него была роскошная борода и, вследствие глубокой залысины, чрезвычайно высокий лоб. Николай не мог сказать точно, но, видимо, это был кто-то из династии Романовых.

Ноги вдруг стали ватными, Николай поспешно сел, почти упал в свое любимое кресло, в котором он любил почитать вечерами. Он понимал, что внезапно стал обладателем целого состояния. Осторожно провел рукой по колье, ощутив прохладу кружевной металлической вязи, колючесть маленьких бриллиантиков и гладкие грани изумрудов. Судя по весу сережки, в качестве металла, из которого было сделано это ювелирное чудо, использовалась платина. Николай с усилием поднялся из кресла, пошел на кухню, взял большой винный бокал, наполнил его до половины своим любимым пятидесятиградусным армянским «Двином» и залпом выпил. Когда огненный комок скатился в живот и начал там разгораться, он пришел в себя. Голова почти моментально стала кристально чистой, оглушающая пелена, окутавшая сознание спала, и он осознал, что, собственно говоря, уже больше суток ничего не ел.

Николай достал из морозилки брусок замороженного свиного сала, настрогал на сковородку тончайших прозрачных розовых ломтиков, включил конфорку. К тому времени, когда он очистил большую луковицу, на сковородке уже всюду скворчали золотистые шкварки. Скинув их шумовкой в блюдечко, он пожарил лук, разбил в него три яйца, бросил сверху шкварки, посолил, поперчил, подождал, пока запечется белок, и умял все это с большим ломтем черного хлеба.

Чай он пил уже в состоянии полнейшего успокоения. Следовало решить, что делать дальше. Можно, конечно, сдать все, как положено, государству и получить свои законные двадцать пять процентов. Но в том бардаке, который творился вокруг, могло произойти все, что угодно. Например, человек по имени Николай Ковалев мог просто исчезнуть с лица земли вместе с упоминанием о нем в любых документах. И даже если бы все прошло благополучно и по закону, то, во-первых, никто не оценил бы находку по ценам аукционов и черного рынка, а скорее всего, сделали бы это по весу лома, во-вторых, к моменту, когда нужно будет получать причитающееся, а это займет не меньше года, инфляция съест большую часть этих денег. После того, как оказалось, что за сорок лет работы его отцу, заслуженному изобретателю СССР, причитается часть государственной собственности в виде ваучера стоимостью десять долларов, Николаю, как и многим другим, стало ясно, что этому государству деньги ни при каких условиях доверять не стоит.

Поев, он первым делом разложил монеты, рассортировал их. Оказалось, что они в основном делятся на три группы, только три были в одном экземпляре. Николай сначала просто констатировал этот факт, но краем сознания он уловил вдруг какое-то странное несоответствие этих одиночек остальным монетам. Приглядевшись внимательней, он даже присвистнул от удивления. Вместо слова «рубль» под цифрами, обозначающими достоинство монет: 5, 10 и 15, там было написано «рус». О таких деньгах ему слышать не приходилось. Возможно, это были наградные монеты, выпущенные к какому-то событию, однако вряд ли, так как больше никаких надписей на них не было. Он выбрал по одному образцу из каждой группы, положил к ним три одиночных. Взял «поляроид», аккуратно сфотографировал шесть монет вместе, – сначала с одной стороны, потом перевернул и сфотографировал и с другой. Затем сделал несколько снимков колье и сережек с различного расстояния. Подождал, пока фотографии проявятся, получилось вроде бы неплохо, только на одной фотографии с колье было большое желтое пятно с края, видимо бумага оказалась дефектной. Николай смял ее и бросил в корзину под столом. Туда же бросил и скомканную газету с мешковиной и обломками вара.

Он вынул из футляра одну сережку, закрыл футляр и упаковал его. То же сделал с пасхальным яйцом и монетами. Затем все кроме сережки и фотографий сложил обратно в коробку, завернул ее в бумагу, которой она была обернута изначально, и перемотал крест-накрест скотчем.

Положив коробку в портфель, он вышел из квартиры, сел в машину и поехал в Колосс-банк, где у него был открыт счет. Там он зарезервировал в хранилище ячейку и оставил в ней коробку.

Оставшуюся часть вторника и среду Николай провел дома, зализывая свои болячки. В основном это сводилось к тому, что, смазав ободранные места и помассировав ушибы с растиркой, оставшейся еще от времен занятий самбо, он сидел в кресле-качалке на застекленном балконе с книгой в руках, тем более, что погода к этому располагала. Москву с понедельника накрыл очередной циклон с Атлантики, спала жара, и периодически начинал сыпать мелкий дождик.

В это время Николай испытывал странное состояние. Найденное, словно какая-то невидимая стена, отгородило его от прежнего мира. Он понимал, что в ближайшее время вся жизнь может резко перемениться. Он уже думал о том, кого из знакомых программистов можно было бы перетащить к себе в случае открытия собственной фирмы, у него были интересные идеи еще со времен службы в армии. О том, что сначала нужно будет как-то превратить свою находку в деньги, он пока старался не думать.

Глава 4

*Декабрь 1941 года, Ленинград,
Малый проспект, дом 35*

Первый военный декабрь выдался холодным, по ночам морозы доходили до сорока градусов. Отопление в осажденном Ленинграде для большинства населения в тот год так и не начало работать. В каждой квартире, где оставались люди, появились сделанные местными умельцами печки-буржуйки. Топили, кто чем мог. Сначала в городе исчезли все деревянные постройки, заборы, скамейки. У кого были силы и нахальство, снимали двери у подъездов, выламывали оконные рамы на лестницах, взламывали пустующие квартиры, выдирали паркет, рубили мебель, забирали книги, подшивки журналов, любое дерево, бумагу и тряпки, все, что могло гореть. Тепло означало жизнь. Люди надевали на себя все теплые вещи, которые могли найти, и уже два месяца не снимали их. Правда, для того, чтобы жить, нужны были еще вода и еда.

Водопровод почти не работал, в результате бомбежек и обстрелов во многих местах трубы оказались перебиты, вода в дома не поступала, но кое-где из разорванных труб вода была ключом, ее можно было набирать. Вообще-то воды в Ленинграде, слава Петру Алексеевичу, вокруг было много, но питьевую брали лишь из Невы, в каналах она была грязной и застойной. Вот только сил, чтобы принести ее, оставалось все меньше и меньше. Практически никто не мылся, разве только если человек работал, а на работе была горячая вода, и к вечеру оставалось хоть немного сил. Даже умывались не всегда, утром вода в ведрах покрывалась коркой льда. С конца ноября по карточкам иждивенцам и детям давали по сто двадцать пять грамм хлеба, да и то наполовину состоящего из малосъедобных добавок, и больше ничего. Это означало медленную смерть от голода для сотен тысяч людей, зажатых в тисках блокады волей двух диктаторов. Большинство из них не нужны были в городе. Их следовало бы эвакуировать еще в июле-августе, когда немцы быстро продвигались к Ленинграду, но городские власти не сделали этого, боясь гнева Сталина и обвинений в пораженческом настроении. После того как сомкнулось кольцо блокады, в городе исчезли сначала собаки и кошки, а затем мыши, крысы и даже птицы. Ели все, что имело хоть какое-то отношение к еде, – пытались разваривать кожаные вещи, варили холодец из вонючего столярного клея. Летом в результате бомбежки сгорели Бабаевские склады, в которых хранился, в том числе, и сахар. Люди копали в этом месте землю, замачивали ее, фильтровали раствор. Иногда удавалось получить сладкую водичку. Канализация, естественно, тоже не работала, и, экономя силы, зимой содержимое ночных горшков стали выплескивать в форточки. Дома по всему городу стояли закованные в броню нечистот. Позже, весной все это будут смывать брандспойтами.

Окна изнутри комнаты, расположенной на четвертом этаже, подернулись курчавым инеем. Семилетний мальчик Вася Бурыкин, с головы до ног, закутанный в разные одежки, которые нашлись в доме, и которые можно было одеть на него, держал рукой в варежке острую щепку и писал на окне слова из букваря. Читать он умел с пяти лет, а в этом году собирался пойти в школу, но осенью сорок первого в Ленинграде начали работать немногие школы, да и те открылись только в ноябре. Мария Петровна из соседней квартиры дала ему букварь, оставшийся от Леньки, сына, который в прошлом году ходил в первый класс, а нынче в конце ноября пропал, когда они с другом пошли в кинотеатр, расположенный в трех кварталах от дома. Вася подслушал, как мать разговаривала с соседкой на кухне. Та плакала и говорила, что его, наверное, съели. Вася читал книгу про Миклухо-Маклая и знал, что на далеких островах в южных морях жили племена дикарей, которые ели людей. Но откуда могли взяться дикари в советском городе Ленинграде? Конечно, это могли быть и фашистские шпионы, засланные в город, продуктовых карточек у них же не было... Когда Вася попытался выяснить этот вопрос у матери,

та сначала отвесила ему увесистый подзатыльник, а потом обняла, поцеловала и долго плакала, не выпуская его из кольца своих рук. Из квартиры он теперь выходил только с матерью. Если она уходила куда-то одна, то запирала Васю в комнате и оставляла запасной ключ Надежде Борисовне, соседке, которая занимала вторую комнату в их квартире. Еще две комнаты стояли закрытыми, хозяева, врачи муж и жена Комаровы, были на фронте, а детей они еще в июле отправили к родственникам в Саратов.

Работы у матери не было с тех пор, как в сентябре их учреждение, где она работала машинисткой, закрыли за ненадобностью в военное время. Отца Вася почти не помнил. От него в комнате осталась только фотография на комод. Там он в пиджаке с галстуком и в шляпе сидел с трубкой в руке и весело улыбался. Мать говорила, что его послали в секретную командировку на десять лет, и он даже письма писать оттуда не может, и что об этом никому нельзя рассказывать. Когда Вася засыпал, он часто представлял себе, что отец работает разведчиком, и скоро он узнает такую фашистскую тайну, что наши быстро победят немцев, и тогда Сталин наградит отца орденом и разрешит ему поехать домой.

Мать раз в два дня ходила получать хлеб по карточкам, причем получить можно было только за сегодняшний день и за завтрашний, талоны пропущенных дней пропадали. Кроме хлеба они раз в день ели картошку или пшенную кашу. Еще с сентября в углу стояли мешок с картошкой и картонный ящик с пшеном, но там уже почти ничего не оставалось.

Скрежетнул замок, хлопнула входная дверь, мать вернулась в этот день раньше обычного. Она вошла в комнату и против обыкновения ничего не спросила у Васи. Лицо ее было мертвенно-бледным и заплаканным. Она скинула тулуп, доставшийся по ее словам еще от деда и долго висевший без дела в кладовке, и осталась в зимнем пальто без воротника. Раньше воротником служила лиса, которую Вася очень боялся. Она была черно-серая с лапками, с хвостом и с головой, в которой ярко светились широко открытые желтые стеклянные глаза. Звали ее почему-то Чернобурка, почти как лошадь Сивка-бурка, про которую Вася читал сказку. Потом мать отпорола лису, отнесла куда-то, а взамен этого принесла кулечек с сахаром и поллитровую банку коричневого какао-порошка. С тех пор она раз-два в неделю варила Васе какао, которое ему не очень нравилось, потому что без молока, но он его все равно пил, потому что сладкое.

Мать села возле стола, положила голову на руки, и плечи ее мелко-мелко затряслись.

Плачет, – понял Вася. Он подошел к ней, прижался к ватному плечу, ничего не говоря.

– Карточки у меня украли. Когда к прилавку подошла, смотрю, сумочка открыта. Не заметила, когда вытащили, с женщиной одной разговорилась. Там вертелся какой-то мальчишка, он, наверное, – сквозь слезы сказала мать, обнимая его за плечи, – что делать-то будем, ведь начало месяца. Как до Нового года дожить?

– Картошку и кашу будем есть.

– Так там уже почти ничего не осталось. На неделю может и хватит. Пойду с Надеждой Борисовной посоветуюсь.

Вася увязался за ней. Он любил бывать у соседки. На стенах у нее висело много картин и фотографий, а на комод, верх которого заканчивался пирамидальной лесенкой, горкой, как ее называла Надежда Борисовна, стояло множество различных фигурок, которые Вася любил рассматривать. Если Надежда Борисовна была в хорошем настроении, то она часами могла рассказывать Васе о том, кто изображен на фотографиях и картинах.

Мать подошла к двери соседки, постучала, та не отзывалась. Мать толкнула дверь, она оказалась не заперта. Соседка лежала в кровати. В комнате было очень холодно, буржуйку она видимо сегодня не топила.

– Надежда Борисовна, – сначала тихо, потом еще раз, погромче, позвала мать. Та не отзывалась. Мать подошла, сначала осторожно потрогала ее за плечо, потом сильно потрясла.

– Господи, никак умерла.

Она взяла со стола овальное зеркало в красивой бронзовой оправе и приложила к губам и носу неподвижно лежащей соседки, подождала пару минут, посмотрела на зеркало.

– Что же делать-то? – несколько раз тихо повторила она как бы про себя.

– Вот что, Вася, иди к себе в комнату, я скоро приду, мне тут прибраться надо.

Когда Вася вышел, мать торопливо осмотрелась вокруг, нашла старинный ридикюль, открыла. Слава богу, карточки Надежды Борисовны лежали тут, она в этом месяце ничего даже еще и не получала. Жалко, за три дня пропали. Но мало этого, мало! Она сама уже с трудом ходит, у Васи руки как пруттики. Иногда казалось, что нет сил жить, и только думая о Васе, она заставляла себя двигаться. А если она сама заболит? Сколько они еще так выдержат? Слезы застилали ей глаза, мысли путались, она какое-то время бесцельно бродила по комнате, потом взяла себя в руки. Если Надежда Борисовна три дня в декабре жила, не отоваривая карточек, значит, какие-то запасы у нее оставались.

Комната была ей хорошо знакома. Она, особенно после ареста мужа, часто заходила к Надежде Борисовне поговорить по душам и поплакаться. Соседка, Надежда Борисовна Азарова прожила интересную жизнь. Происходила она из знатного дворянского рода, окончила Смольный институт, и после выпуска в 1904 году, благодаря старым связям семьи, ее зачислили в штат фрейлин Государыни Императрицы Александры Федоровны. Надежда Борисовна была красивой женщиной и пользовалась успехом у мужчин. Однако замуж она, по мнению людей ее круга, вышла неудачно. Брак ее считался мезальянсом, непосредственно перед началом русско-японской войны, несмотря на протесты родителей, она стала женой морского лейтенанта, служившего на линкоре «Ослябя» и погибшего через год вместе со своим кораблем в Цусимском сражении. Больше замуж Надежда Борисовна не выходила, однако на счету ее было несколько громких романов с представителями высшего света, самым известным из которых был Великий князь Михаил Александрович.

Квартира, в которой они жили сейчас, в свое время целиком принадлежала Надежде Борисовне. После революции начались уплотнения, и когда в 1935 году Наташа с мужем переехали в эту квартиру, у Надежды Борисовны оставалась только одна комната. Времена наступили жестокие, дворянство, в соответствии с заветами Великого Вождя, ликвидировали как класс сразу же после революции, но отдельные его представители продолжали существовать в этой стране, иногда меняя адреса и фамилии, а иногда просто теряясь от властей в суете и круговерти преобразований, которые накрыли Россию.

Азарова зарабатывала на жизнь тем, что делала дамские шляпы. Более точно, она их переделывала, либо из готовых, которые можно было купить в магазине, либо из тех, что сохранились у клиенток с незапамятных времен. Ее дед, владевший большим и процветающим поместьем, в свое время собрал отличную коллекцию картин, несколько из них до сих пор хранились у нее. Она с детства рисовала, у нее были хорошие художественные задатки. И все это удивительным образом сплелось в способность с помощью различных рюшечек, бантиков, цветочков и ленточек превратить обыкновенную панамку в произведение искусства. Возможно, в Париже она смогла бы прославиться и даже стать основательницей одного из домов высокой моды, но и в Ленинграде она была достаточно известна среди представительниц новой элиты. Правда с середины тридцатых годов, после убийства Кирова, старая клиентура начала исчезать, но на замену приходили жены новых руководителей, и на жизнь ей хватало.

На широком подоконнике стоял деревянный ящик, в котором обычно хранились продукты. Наташа подошла к ящику, откинула крышку. Там лежал кусочек хлеба, завернутый в обрывок газеты, и два полотняных мешочка, каждый весом не более половины килограмма, с геркулесом и перловкой. Не бог весть что, но дней на десять, а то и больше можно растянуть. Так, сейчас надо найти запасной ключ, который она утром, уходя за хлебом, оставила соседке. Обычно та вешала его на шею, придется покойницу обыскать. Нехорошо, но что делать.

Ключ и в самом деле оказался на шее у Надежды Борисовны. Кроме него там на простых шнурках висели серебряный крестик и еще один маленький изящный ключик, видимо из бронзы. Наташа задумалась. Она вспомнила, как-то раз соседка сказала ей, что если будет совсем уж плохо с едой, то у нее есть что-то, что можно обменять на продовольствие, но добавила, что это уж совсем на крайний случай, так как это «что-то» ей не принадлежит. Похоже, что ключ был от какой-то шкатулки или небольшого сундучка, придется поискать. Слабые укоры совести заглушались мыслями о том, что от этого, может быть, зависят жизни ее и сына.

Одна шкатулочка стояла на комоде, но без замка, вторая на столе, она оказалась не заперта, но ключ к ней не подходил, да и Наташа знала, что соседка держала там нитки, пуговицы, иголки и прочие хозяйственные мелочи. Наташа поискала в ящиках комода, но там ничего кроме старенького постельного белья, полотенец и упакованного чайного сервиза не нашла. Оставалось осмотреть потрепанный жизнью шифоньер и большой старинный сундук, который стоял в углу комнаты.

В шифоньере ничего такого, что могло бы запираться на замок, тоже не оказалось. Зато там висела меховая накидка, правда, слегка побитая молю, но из нее можно было бы сшить шубейку для Васи, из старого пальто он уже вырос. Наташа подошла к сундуку, откинула крышку, он до половины был заполнен подшивками старых еще дореволюционных журналов, которые можно годились на топку. Наташа стала вынимать подшивки одну за другой. В углу сундука лежал связанный из платка кузовок, из которого торчали лоскуты различной ткани, какие каждая хозяйка держит в доме для починки одежды, больше ничего не было. Наташа вытащила кузовок, удивилась его странной тяжести, развязала платок. В нем была красивая лакированная резная шкатулка, с монограммой «Н» и «А» на крышке, обернутая обрезками ткани.

Бронзовый ключ мягко щелкнул, поворачиваясь в замке, крышка сама откинулась и заиграла музыка. В шкатулке сверху завернутого в пергаментную бумагу свертка лежал конверт, на котором было написано, – Наташе Бурыкиной, ее имя и фамилия. Наташа вытащила из незапечатанного конверта четвертушку бумажного листа.

«Дорогая Наташенька. Ты это письмо прочитаешь только после моей смерти. В шкатулке лежат вещи, которые принадлежат императорской семье – кольцо и пасхальное яйцо. Я дала клятву, что сохраню их и отдам только человеку, который придет и скажет пароль „я от Николая и Александры“. Я жила в этой квартире и не должна была никуда отсюда съезжать. Довериться я никому не могла. Что будет с этими вещами дальше, я не знаю. Не знаю также, придет ли кто-нибудь. Если меня будет кто-то разыскивать, спроси, от кого он. Умоляю тебя, сохрани кольцо и яйцо. Остальное в твоём распоряжении целиком и полностью, вам с Васей надо выжить.»

Наташа сняла первый слой бумаги, второй, третий. На столе перед ней лежали: плоский вишневого цвета бархатный футляр, две маленькие, тоже бархатные коробочки, большой прямоугольный сверток и четыре длинных сверточка, тоже завернутых в пергаментную бумагу. Она развернула один из длинных тяжелых свертков, на стол, покрытый толстой вязаной скатертью, с глухим стуком вывалилась кучка желтых монет с двуглавыми орлами на одной из сторон. Это были царские золотые десятки, ей приходилось держать их в руках, еще на свадьбу дядя подарил ей две монеты. Из одной сделали обручальные кольца, из другой – сережки и колечко с бирюзой для нее. Все это давно уже ушло в обмен на продукты.

Она завернула все в платок и убрала в сундук. Накрыла простыней тело покойницы. Перетащила к себе в комнату подшивки журналов, затопила буржуйку. Еще осенью дворник Ильядар поставил над буржуйкой каркас железной кровати без сетки, положил на него несколько металлических уголков, на них положил кирпичи, которые он с матерью натаскал из развалин разбомбленного дома, и обложил буржуйку кирпичами с боков. На кирпичи сверху положили матрац, на котором и спали Наташа с Васей. Кирпичи, хоть и несильно, но прогревались, тепло, проходящее сквозь щели в кирпичах, быстро нагревало матрац, и спать стало не так уж

холодно. Когда хотели сварить кашу или вскипятить чайник, матрац сворачивали и вынимали пару кирпичей, чтобы получить доступ к раскаленному верху буржуйки.

Наташа сварила две картофелины и поделила пополам зачерствевший кусок хлеба, найденный в комнате соседки. Она дождалась вечера, кроя из меховой накидки заготовки для Васиного пальтишки. Затем уложила Васю, дождалась, пока он заснет, сняла с полки старую, еще дореволюционную жестяную коробку из-под конфет, в которой хранились письма и открытки от родных, и снова пошла в комнату Надежды Борисовны. Там она достала узелок с драгоценностями из сундука, переложила в коробку, аккуратно упаковав в пергаментную бумагу, кольцо и футляр с пасхальным яйцом. Подумала, добавила два свертка с монетами. Затем закрыла коробку и зашила ее в мешковину. Получилось что-то вроде небольшой посылки. Оставшиеся драгоценности, а в двух маленьких футлярах были золотые серьги и кольцо с прозрачными камнями, она увязала в узелок и спрятала узелок и зашитую коробку у себя в одном из ящиков комода.

Сейчас следовало решить, что же делать дальше. Наташа мысленно перебрала в уме всех знакомых, к кому можно было бы обратиться для обмена найденного на что-нибудь съестное. Свои серьги и кольца она в сентябре обменяла на крупу и картошку у знакомого подруги, с которой вместе работала. Но та жила очень далеко, и идти к ней надо пешком по сильному морозу, а потом еще предстояло искать ее приятеля, да и живы ли они оба? В родном доме близких знакомых почти не осталось, после ареста мужа большинство соседей избегали ее. Может, стоило поговорить с дворником, он человек неглупый, работает в доме давно, знает всех жильцов?

На следующее утро она взяла хлебную карточку Надежды Борисовны и по дороге в магазин зашла в полуподвальную дворницкую, где одиночкой жил дворник Ильдар. Жена его умерла лет десять назад, а их пятеро сыновей, все как один закончив рабфак строительного института, давно разъехались по многочисленным стройкам страны.

Дверь в дворницкой обледенела по краям. Наташа с трудом открыла ее, спустилась по ступенькам вниз. Ильдар сидел возле печки и грел руки у приоткрытой дверцы.

– Здравствуй, Наташа, – первым поздоровался он, увидев Наташу.

– Здравствуй, Ильдар. Замерз?

– Да, старый видно стал. Когда раньше такое было, чтобы снег разгребал и замерз? Приходишь домой, пар валит. А сейчас дорожку немного расчистил, сердце колотится, стою, отдыхаю. Погребу немного, отдыхаю больше, как не замерзнуть. Чтобы хорошо работать баранину кушать надо, шурпу кушать надо. А на одном хлебе разве работать можно? Месяц уже по карточкам кроме хлеба ничего не дают.

– Ты знаешь, соседка моя Надежда Борисовна умерла, что делать, я не знаю.

– Машина раз в неделю приезжает, собирает всех на нашей улице. Кого просто в сквер выносят, кто в квартирах лежит. Сейчас холодно, если у нее в комнате не топить, то пусть там и лежит.

– Да понимаешь, у меня же сын маленький. Я ухажу за хлебом, а он один остается, ему страшно будет.

Хорошо, сегодня часа в два машина с матросами должна прийти, тут у нас в подвале склад был, они перевозят. Я попрошу, чтобы они твою соседку в сквер перенесли.

– Спасибо, Ильдар. Да, вот еще я хотела с тобой посоветоваться. Как ты думаешь, за золото можно что-нибудь из еды выменять? У меня есть две николаевских десятки и сережки с колечком. Ты не знаешь таких людей? Может в нашем доме кто-нибудь есть?

– В нашем не знаю. А вот с Ринатом надо поговорить, он тоже дворник на нашей улице в том доме, где библиотека. Он недавно у меня в гостях был, полбанки говяжьей тушенки с собой принес. У меня полстакана риса оставалось, плов сделали, хорошо покушали, как до войны. Так вот, он говорит, помогал носить одному жильцу в своем доме на второй этаж

мебель и картины, большие, в рамах позолоченных, и тот за работу две банки тушенки дал. Большой человек, в Смольном работает, в столовой.

– Ты сведи меня со знакомым своим. Если у меня что-то с обменом получится, я отблагодарю и тебя и его.

– Слушай, Наташа, какой отблагодарю. Я же знаю, у тебя сын маленький, ему расти надо, мне расти не надо. Я тут помог, там помог, карточка у меня рабочая, я не пропаду. А ты сына береги. А к Ринату хоть сейчас сходим.

Дворник Ринат был дома. Выслушав Наташу, он сказал,

– Я поговорю с женой этого человека, ее я вижу во дворе. А он на машине уехал, на машине приехал, как подойдешь? Давай на всякий случай свой адрес пиши. Может она к тебе придет, может ты к ней. А может им ничего и не надо. Что я обещать могу? Если что, я через Ильдара дам знать.

Через два дня вечером в дверь позвонили. Электричество давно отключили, но на двери стоял старый механический звонок с полустертой надписью «прошу повернуть», и чтобы позвонить, нужно покрутить торчавшую на двери снаружи ручку, как если бы пришедший заводил огромный будильник. Наташа подошла к двери, спросила не открывая,

– Кто там?

– Я, Ильдар.

Наташа открыла дверь.

– Ринат приходил, просил передать, завтра в два часа она к тебе зайдет. Марина Яковлевна зовут.

– Спасибо тебе, Ильдар.

– Спасибо потом говорить будешь. Ты смотри осторожней, такие люди очень хитрые бывают.

Вечером, уложив Васю спать, Наташа взяла узелок с драгоценностями, развязала, достала два свертка с монетами и задумалась. Ясно, что отдавать сразу все нельзя, впереди была длинная зима, да и дальше-то как все обернется... Хотя, конечно, по радио говорили, что наши разгромили немцев под Москвой, и что победа не за горами, но после этого почему-то выдачу хлеба по карточкам уменьшили. Опять же, неизвестно, что за люди. Наташа развернула монеты, Даже в тусклом свете керосиновой лампы они были красивы.

Она отложила четыре монеты, подумала, добавила еще две, достала коробочку с кольцом, завернула все в старый газетный лист, убрала сверток в ящик стола, остальное опять увязала в платок. Взяла керосиновую лампу, узелок и зашитую в холстину коробку из-под эйнемовских конфет, и пошла в ванную. Там она отодвинула тумбочку, стоявшую вплотную к боку ванны, поставила на пол лампу. Открылась неширокая щель между ванной и стенкой. На небольшом расстоянии, так, что можно было достать рукой, из стены с незапамятных времен торчал ржавый огромный гвоздь. Наташа чуть не напоролась на него во время ремонта в квартире, который они затеяли вместе с соседями года два назад. Она обвязала узелок и коробку шпагатом и осторожно повесила на гвоздь. Затем придвинула тумбочку и со спокойным сердцем пошла спать.

На следующий день она никуда не выходила. Около половины третьего коротко тренькнул дверной звонок. У нее почему-то сильно забилося сердце. На ослабевших вдруг ногах она подошла к двери.

– Кто там?

– Меня зовут Марина Яковлевна, я к Наташе.

Наташа открыла дверь. Перед ней стояла невысокая симпатичная молодая женщина с круглым лицом в ладно сидящем на ней, подогнанном по фигуре мужском полушубке до колен, в меховой шапке-ушанке и в валенках.

Здравствуйте, проходите, ко мне вот сюда, – указала Наташа на дверь своей комнаты.

Марина Яковлевна вошла в комнату вслед за ней, расстегнула полушубок, под которым виднелась толстой вязки шерстяная кофта, положила на стол кожаные, с мехом внутри, варежки. Увидев Васю, она улыбнулась,

– На, держи, – и протянула ему несколько карамелек, которые вытащила из кармана полушубка.

Вася посмотрел на мать, как бы спрашивая разрешения, и нерешительно протянул руку. Марина Яковлевна высыпала карамельки ему в ладонь.

– Наташа, давайте поговорим где-нибудь в сторонке, – сказала она, кивнув головой в сторону Васи.

– Хорошо, пойдемте в комнату к соседке, она недавно умерла, у меня есть ключ от ее комнаты. Вася, ты пока чай морковный попей с конфетами, я скоро вернусь.

Наташа достала из стола сверток, зажгла свечку для Васи, взяла керосиновую лампу, и они с Мариной Яковлевной пошли в пустую комнату Азаровой. Там они сели возле стола. Марина огляделась по сторонам, встала, взяла лампу со стола, подошла к картинам в золоченых рамках, внимательно взглядела в каждую из них, еще раз обвела взглядом комнату, вернулась к столу и, ни говоря ни слова, опять села. Наташа медлила, было в лице ее собеседницы какое-то едва уловимое выражение нетерпеливой жадности, как у голодной собаки, которой продавец мяса на рынке отрезает заветривший кусочек, а она и гавкнуть хочет, чтобы поторопить, и боится, что прогонят.

– Ну, что там у вас? – не выдержала Марина, – мне дворник сказал, что вы хотели что-то в обмен на еду предложить.

– А что вы могли бы достать?

– Да что хотите, надеюсь ананасов вам не надо?

– Да ну, какие там ананасы, я их и раньше—то не пробовала.

– Крупы любые, тушенка, овощи, яблоки, мандарины, сгущенка, сахар, конфеты. Только это все недешево стоит. Что у вас есть-то? Сразу предупреждаю, денег мне не надо, вот если есть золото, камушки, это – да, возьму.

Наташа, подавленная обилием перечисленного, дрожащими руками торопливо, как будто боясь, что у нее отнимут саму возможность получить хоть что-то, развернула сверток, положила на стол шесть монет и коробочку с кольцом. Марина открыла коробочку. Камень в кольце, отражая свет лампы, брызнул колючими искрами по стенам комнаты. Лицо Марины странно преобразилось, черты его заострились, и она стала похожа на зверя, готового сделать последний прыжок и вонзить зубы в горло загнанной жертвы.

Она встала, взяла в руки лампу и кольцо, и почему-то пошла к окну, как будто бы хотела, чтобы кто-то с улицы посмотрел сквозь замерзшее стекло на кольцо. Расчистив участок окна от инея, она провела кольцом по стеклу, послышался визгливый скрежет. Марина внимательно всмотрелась в стекло, придвинув лампу почти вплотную к нему.

Когда она вернулась к столу, на лице ее было выражение, которое бывает у сытой кошки, которая, лежа на солнце, благодушно взирает прищуренными глазами на окружающий мир. Марина положила кольцо в коробку, закрыла ее и положила около себя, означив таким образом некое право собственности. Потом взяла в руки одну из монет, взвесила ее, покачав на ладошке, попробовала на зуб, внимательно осмотрела с обеих сторон, поднеся монету к лампе, взвесила каждую из оставшихся монет в руке, придвинула к себе всю кучку.

– Ладно, беру все. Что вы хотите за это?

– Ну, я не знаю, у меня хлебные карточки украли, вообще есть нечего.

– Хорошо, две рабочие хлебные карточки я завтра могу принести.

– То есть как, и это все?

– Да не бойся, не бойся, за это только монеты возьму, – перейдя вдруг на «ты», повелительственным тоном сказала Марина, – А за кольцо дам по пять банок тушенки и сгущенки,

пять кило макарон, кило яблок и мандаринов. Считай, это только от доброты моей. Ребенка твоего жалко.

– Ну, добавьте крупы еще килограмм пять хотя бы.

– Ладно, будет тебе гречка. Завтра часа в четыре шофер, Дима, тебе все и завезет. Эх, к этому кольцу да сережки бы такие же!

Наташа дернулась, открыла было рот, но ничего не сказала. Марина заметила это.

– Ну что, есть сережки? Чего жмешься, вижу что есть. Давай, я тебе за них то же, что и за кольцо дам, да карточки каждый месяц буду приносить до апреля, глядишь, зиму и протянете. Могу еще коробочку витаминов дать, сына подлечишь, а то он у тебя доходной уже.

– Да они у подруги, завтра с утра схожу за ними, тут недалеко.

– Ну, ну, у подруги... Ладно, завтра с шофером сама зайду, тоже часа в три.

– Только монеты и кольцо я сейчас не отдам.

– Не веришь? Ну, правильно и делаешь, нынче каждый сам за себя.

Марина еще раз огляделась вокруг, как бы запоминая обстановку комнаты.

– Слушай, а соседка эта, она что, одна тут жила?

– Да, у Надежды Борисовны никого из родных не осталось.

Марина задумчиво застегнулась на все пуговицы и крючки, зашла в комнату к матери за рукавичками, потрепала рукой Васю по голове на прощание и ушла.

У Наташи на сердце было беспокойно. Не понравилась ей Марина Яковлевна, но что было делать. То, что та пообещала, звучало как сказка. Непонятно было только одно, откуда в осажденном городе могло взяться все это. В декабре по карточкам вообще ничего кроме хлеба не давали, а тут яблоки и даже мандарины, которые и созрели то совсем недавно.

Сильно удивилась бы она, как и большинство жителей осажденного города, если бы узнала о том, что руководителю обороны Ленинграда и первому секретарю горкома партии товарищу Жданову регулярно доставляют на самолете любимые им ананасы, а меню столовой Смольного не уступает довоенному меню ресторана «Астория». После революции в России власть на всех уровнях руководствовалась, прежде всего, принципом самосохранения. Сейчас ей не нужны были те, кто ничего не мог сделать для ее защиты. Более того, они мешали. И первой военной зимой сотни тысяч ленинградцев, обреченных на голодную смерть в осажденном промерзшем городе, были даже не похоронены, а просто свалены в безымянные братские могилы на Пискаревском и Серафимовском кладбищах, либо сожжены в печах кирпичного завода.

Утром Наташа проснулась до того, как встал Вася. Она растопила печку, достала из тайника в ванной узелок и зашитую коробку. Вытащила из узелка коробочку с сережками, положила ее в стол, накинула тулуп, вышла из квартиры и спустилась во двор. Ночью выпал сильный снег и Ильдар разгребал неширокие дорожки. Наташа подошла к нему.

– Здравствуй, Ильдар.

– Здравствуй, Наташа. Ну как, приходила к тебе эта женщина?

– Приходила, почти договорились, она сегодня должна с шофером приехать. Вот только что-то сердце у меня не на месте. Давай, зайдем к тебе, поговорить надо.

– Хорошо, поговорим, у меня чайник еще горячий, вот только угостить нечем, хлеб да кипяток.

– Ну что ты, Ильдар, что ты. Какое угощение, да и я сейчас пойду кашу варить, крупы немного есть.

Они спустились в дворницкую, сели у еще теплой печки. Наташа помедлила немного, собираясь с мыслями. А потом рассказала все Ильдару.

Закончив, она сказала, – И сейчас я прошу тебя спрятать пока вот это, – она передала ему зашитую коробку, – и вот этот узелок. Тут золотые царские десятки. Если со мной, не приведи бог, что-нибудь случится, помоги сыну, как сможешь. Будет тяжело, монеты меняй на продо-

вольствие. Если придут люди и будут искать Надежду Борисовну, спроси от кого они. Если скажут, что от Николая и Александры, отдашь коробку.

– Наташа, что ты себя хоронишь, может не надо с ней дело иметь, другого человека найдем.

– Да, понимаешь, это я так, на всякий случай. Все нормально будет. Завтра зайду и заберу все у тебя, сгущенки и тушенки принесу, попируем. Просто сердце чего-то не на месте. Да мы за пять месяцев с начала войны все тут ненормальными стали.

Вернувшись домой, Наташа разбудила Васю, скатала матрас, вытащила кирпичи над буржуйкой, поставила туда кастрюльку с водой для каши и, положившись на волю судьбы, стала дожидаться прихода Марины, дошивая Васину шубейку.

Звонок раздался довольно поздно, когда уже почти стемнело. Наташа быстро пошла открывать дверь, от волнения у нее даже немного стала кружиться голова, и прежде, чем открыть, она немного постояла, опершись плечом о стенку.

За дверью стояла Марина, а за ней в тусклом свете от заклеенного крест-накрест и запыленного подъездного окна виднелись силуэты двоих мужчин, нагруженных коробками.

Привет, Наташа, – поздоровалась Марина Яковлевна.

– Здравствуйте, – сказала Наташа, замешкавшись в дверях и мешая войти гостям.

– Ну посторонись, дай войти-то. Мужики вот принесли все, о чем договаривались.

Марина и мужчины вошли в прихожую, четыре коробки были поставлены на пол.

– Вот что, мужики, вы тут постоитте, а нам надо поговорить, – с этими словами Марина двинулась прямо в комнату Надежды Борисовны.

– Подождите, принесу ключ и... остальное, – остановила ее Наташа.

Вернувшись с ключом и керосиновой лампой, она открыла дверь соседки, и они, как вчера, сели за столом. Наташа достала и разложила на столе монеты, кольцо и сережки. На лице Марины опять появилось вчерашнее хищное выражение, она взяла сережки и пошла к окну. Опять она провела по стеклу сначала одной, потом другой сережкой, и оба раза послышался тот же неприятный скрежещущий скрип.

Марина вернулась к столу, убрала кольцо и сережки в футляры, сложила их в карман полушубка, сгребла со стола монеты, небрежно сунула их в другой карман.

– Ну, пойдем, посмотришь, что принесли. Да, дверь не закрывай и лампу здесь оставь, тут со мной профессор один, он из музея, картины хочет посмотреть, может возьмут, повесят у себя для людей. Соседка-то вроде без наследников, сама же вчера говорила.

Наташа зажгла в своей комнате стеариновую свечку. Мужчины внесли коробки, поставили их на стол и вышли. Марина открыла каждую из коробок, демонстрируя их содержимое.

– Вот, как вчера договорились, за сережки удваиваю все. Сгущенка, тушенка, яблоки, мандарины, макароны, гречка. Такое богатство редко у кого сейчас есть. А вот и то, что еще обещала, – тут Марина залезла рукой внутрь полушубка, достала две картонки и маленькую коробочку. – На, вот карточки и витамины, теперь мы вроде как в расчете. Пойду, посмотрю, как там профессор.

Наташа с Мариной вышли в коридор. Дверь в комнату соседки была открыта, там мелькал свет от движущейся лампы. Марина зашла в комнату. Наташа, движимая каким-то безотчетным беспокойством, пошла за ней.

Один из мужчин, тот, что пониже и с бородой, держа лампу в левой руке, рассматривал что-то на одной из картин в большую лупу. Марина подошла к нему.

– Ну что, Валерий Карлович, есть что-то интересное?

– Интересное?! Да тут, дорогая моя, есть две картины, которые в Эрмитаже или Лувре должны висеть. Остальные тоже музейные достойны. Я могу, конечно и ошибиться, нужна тщательная экспертиза, но почти убежден, что это Рафаэль, – он махнул в сторону одной картины,

на которой в полумраке угадывались силуэты стоявших рядом трех женщин и какого-то мужчины перед ними, – а это Тициан, – указал он на другую картину.

– А сколько они могут стоять?

– Глупый вопрос. У этих картин не может быть стоимости, они бесценны.

– Ладно, бесценны... Давайте заканчивать, поехали, потом разберемся.

Повернувшись к двери, Марина наткнулась на Наташу.

– Дверь в эту комнату закрой и ключ мне отдай, завтра приедем и заберем картины, – властно потребовала Марина.

– А вы что, в музее что ли работаете? – удивилась Наташа, – и потом, надо ведь какую-то бумагу составить. Управдома, милицию вызвать, пусть акт напишут.

– Милицию, говоришь, – прищурилась Марина, – что ты из себя дурочку строишь! Ты, что, думаешь, я не понимаю, где ты золото взяла?! Откуда у тебя, задрипанной бабы с довеском бриллианты? Ты, когда у нее в комнате шарил, кого вызывала, духа святого?!

У Наташи от обиды выступили слезы. Хотя, когда она обыскивала комнату Надежды Борисовны, в глубине души у нее где-то и скребли кошки, но сейчас она считала, что поступила правильно, и Надежда Борисовна сама ей написала, как надо поступить с золотом. Она уже открыла было рот, чтобы сказать о письме, но вовремя вспомнила о том, что там еще было написано. Однако потрясения последних дней – кража карточек, смерть Надежды Борисовны, золото, найденное в ее комнате, коробки с продуктами, все это выбило ее из привычного ритма жизни, сложившегося в течение последних месяцев, ритма, в котором жило большинство населения этого города, ритма, который следовало бы назвать не ритмом жизни, а ритмом медленного умирания. Больше всего ее всколыхнуло то, что, оказывается, есть люди, для которых то, чем она жила сейчас, было лишено всякого смысла. Прошло привычное отупляющее безразличное ко всему состояние, когда происходящее вокруг воспринимается как кадры фильма, который не имеет к тебе почти никакого отношения. Конечно, где-то наши под Москвой наступали, в Кремле сидел Сталин, но реально воспринимался узкий круг людей, событий и мест действия, – Вася, который без нее пропал бы, еда, которую где-то нужно добывать на каждый день, буржуйка, которую хотя бы раз в день нужно топить, магазин, где можно отоварить карточки, очередь, в которой встречались знакомые примелькавшиеся лица, прорубь на Неве, к которой нужно осторожно спускаться по скользким обледеневшим ступеням, держа в одной руке ведерный бачок с привязанной крышкой, а в другой веревку от Васиных санок, на которых она везла бачок обратно. Сейчас же перед Наташей стояла женщина, для которой все это ничего не значило. Она могла сварить с утра любую кашу, которую захотела бы. Она, наверное, могла пить настоящий чай и даже со сгущенным молоком, могла топить печку не тогда, когда было чем топить, а тогда, когда в комнате становилось холодно. Ей не надо бояться завтрашнего голодного и холодного дня, а по вечерам она, наверное, могла сидеть возле теплой печки и читать при свете яркой трехлинейной лампы. При этом Наташе почему-то представилась обложка книги, на которой набриолиненный красавец, встав на одно колено, протягивал роскошный букет прекрасной девушке с длинными распущенными волосами.

Тут Наташа потеряла контроль над собой. Накопившийся груз страхов, обид и отчаяния заставил ее забыть об осторожности, с которой она жила последние годы.

– Ключ я вам не отдам! А к управдому с утра схожу, пусть вызовет, кого следует, и составит опись и акт, чтобы все было как положено. Если надо в музей, пусть отправляют в музей, но чтобы все по закону!

– Ну, смотри, хочешь, чтобы все по закону? – угрожающе прищутив глаза, сказала Марина Яковлевна, – будет тебе закон. Пошли, – бросила она своим спутникам.

Когда дверь за ними захлопнулась, Наташа почувствовала такую слабость, что еле дотаскилась до своей комнаты. Там она с трудом открыла банку сгущенки, достала из-под старой ватной бабы еще теплый чайник, развела в стаканах сгущенку, себе чайную ложечку, а Васе две

столовых, дала сыну яблоко, легла на кровать и провалилась в сон. Спала она часа два. Когда проснулась, за окнами было уже совсем темно. Вася за столом при свете стеариновой свечи читал какую-то книжку. Наташа вспомнила, что она оставила лампу в комнате Надежды Борисовны, да и закрыть комнату забыла. Сходяв за лампой, она задумалась, не забрать ли у Ильдара то, что она ему оставляла, но решила отложить это до утра, тем более, что она и в самом деле решила пойти к управдому и узнать у него, что делать с тем, что осталось от Надежды Борисовны. Она растопила печку, разогрела дневную кашу, добавив в нее немного тушенки. Чтобы еда не остывала быстро, они теперь ели прямо из небольшой плоской кастрюльки, в которой Наташа и готовила. Когда ели, она ложкой делила еду пополам символической линией, но постоянно подталкивала в Васину сторону кусочки от своей половины, стараясь сделать это незаметно для него.

Впервые за последние три месяца она почувствовала, что сыта, а Вася даже не доел то, что было придвинуто к его краю. После еды сын быстро уснул, а Наташа еще долго сидела возле угасающей печки. Мысли ее перескакивали с одного на другое. Последнее время она редко вспоминала о довоенной жизни, а сегодня что-то нахлынуло. Господи, как ей хотелось вернуть те дни, когда она с мужем и маленьким сынишкой на местном поезде, шедшем вдоль берега Финского залива, добирались в воскресенье до Комарово. Там купались, собирали ягоды и грибы. Двухлетний Вася не дотягивался до высоко висящих ягод малины, и отец наклонял к нему ветки, чтобы тот сам мог рвать ягоды. Могучие сосны возносили свои темно-зеленые кроны так высоко, что казалось, они упираются прямо в бледно-голубое летнее северное небо. Редкий бор, почти без подлеска, был устлан мхом и насквозь пронизан ясно видимыми солнечными лучами. Там было тихо и спокойно-торжественно, как в пустом храме, когда служба закончилась и народ разошелся.

Спазм сжал горло, слезы с тихим шелестом закапали на рукав. Она плакала и не могла остановиться, как будто навсегда прощалась с теми далекими спокойными счастливыми днями. Приподняв край тулупа, под которым спал сын, она осторожно легла рядом с ним, обняла и, наконец, успокоившись, уснула.

Разбудило ее повторяющееся отрывисто-требовательное звяканье дверного звонка. Спросонок она долго искала спички, было еще совсем темно. Наконец зажгла лампу, подошла к двери.

– Кто там?

– Откройте, милиция!

Наташа удивилась, неужели Марина Яковлевна все-таки сама в милицию или к управдому обратилась, но дверь открыла спокойно. В квартиру вошли три незнакомых милиционера и трое штатских, в одном из которых она узнала управдому, в другом – вчерашнего профессора, а в третьем – дворника Ильдара. Наташа совсем успокоилась и даже мысленно пожурела себя слегка, за то, что подумала плохо о Марине Яковлевне, но тут один из милиционеров, видимо главный, сказал:

– Вы Бурыкина Наталья?

– Да, я.

– Вы арестованы. Сейчас у вас будет произведен обыск. Где ваша комната?

– Вот, но у меня сын спит, он еще маленький. Но я не понимаю, в чем дело?

– Значит, поднимайте сына. Мы ждать, пока он вырастет или выпитися, не можем. Жуков, Ковалев, начинайте обыск. А комната Азаровой Надежды Борисовны где? И ключи дайте от ее комнаты, от вашей и от квартиры.

– Но объясните же, в чем дело? Я ни в чем не виновата! Вы, наверное, ошибаетесь!

– Поедете с нами после обыска, следователь все объяснит, а я не уполномочен. Понятые, – кивнул он управдому, старавшемуся не встречаться взглядом с Наташей, и вчерашнему профессору, тоже не поднимавшему глаз, – пройдемте на время обыска в ее комнату.

Наташа с лампой в руках прошла вперед, осторожно разбудила Васю, который спросонья тер глаза кулаками, стараясь одновременно разглядеть заполнивших комнату людей. Двое из них, взяв лампу, начали почему-то рыться во всех ящиках шкафа и комода.

– Мам, а чего они ищут?

– Не знаю, сама ничего не понимаю. Да, Вася, тебе, наверное, какое-то время придется пожить без меня. Но я вернусь, обязательно, ты слышишь? – Она обняла сына, и слезы опять покатались из ее глаз, как мелкие горошины.

– Вот они, фальшивки немецкие! – торжествующе воскликнул один из милиционеров, доставая из ящика стола две хлебных карточки.

Понятые, прошу подойти, – сказал главный. Сейчас будет составлен протокол, подпишитесь.

Наташа, улучив момент, осторожно боком переместилась к Ильдару, стоявшему в темноте позади всех.

– Ильдар, милый, позаботься о Васе. Я надеюсь, что это недоразумение и все быстро уладится. Но если что, ну, ты понимаешь...

– Не беспокойся, Наташа. Если что я знать буду, где он. Может мне к следователю сходить, ты расскажи ему, что я знаю, что к тебе приходили вчера.

– Боюсь, этим делу не поможешь, а хуже сделать можно, она еще и тебя припутает, а у меня сейчас надежда только на тебя.

– Эх, и откуда такие люди берутся, зачем я только к Ринату пошел?!

– Да ладно, не кори себя, может и обойдется.

– Бурыкина, собирайтесь, идем, – сказал главный.

– А как же сын, он с кем останется?

– Сына тоже собирай, за ним пока дворник присмотрит, а потом из детского дома подьедут.

– Но я же ни в чем не виновата, меня сейчас отпустят, где я его потом искать буду?!

– Ничего, найдешь. У нас в детдомах дети не пропадают. Давай, собирайтесь, и на выход!

Все вышли из квартиры и спустились на улицу. Краем смятленного сознания Наташа заметила, что квартира осталась открытой. Утро было морозное, уже вставало солнце, но в небе еще висел бледный полный диск луны. Невдалеке один за другим грохнули два разрыва.

Старший милиционер выругался сквозь зубы, – А, дьявол, не успели до обстрела. Жуков, Ковалев, арестованную переулками доставить в отделение. Дворник, бери пацаненка, и пошли к тебе.

Вася похожий на медвежонка, в шубейке, пошитой матерью из старой меховой накидки умершей соседки, с отчаянным ревом бросился к матери, та обхватила его, но подбежавшие милиционеры оторвали ее от сына и повели в переулок. Она оглянулась и крикнула через плечо:

– Вася, ты меня жди, я обязательно вернусь и найду тебя! Ильдар, узнай, куда его направят! Помоги ему, если меня долго не будет!

В это время во двор въехала полуторка с фанерным ящиком-фургоном в кузове. Правая дверь кабины открылась и с подножки прыгнула Марина Яковлевна. Веселая, бодрая, с красными от мороза щеками она походила на жизнерадостного снегиря. Наташа, издали завидев ее, бросилась к ней, но милиционеры ухватили ее за рукава пальто и повели за угол дома. И Вася навсегда запомнил растерянное лицо матери и слова, которые она бросила напоследок Марине Яковлевне:

– Я знаю, ты у меня сына хочешь украсть!

Марина, даже не поведя ухом на слова матери, которая уже скрылась за углом, подошла к оставшимся во дворе, поздоровалась со всеми и сказала, обращаясь к главному милицио-

неру – Виктор Семенович, пойдёте с нами, а ты – обратилась она к Ильдару, – мальчика пока к себе уведи, мы скоро зайдём к тебе.

Ильдар, держа плачущего Васю за руку, пошел в дворницкую. А Марина Яковлевна, сопровождаемая милиционером, управдомом, профессором и шофером направилась в Наташину квартиру. Вдали мерно грохотали взрывы, шел четвертый месяц блокады и немцы, не потеряв еще надежды быстро добить замерзающий город, продолжали ежедневный обстрел. Так будет продолжаться почти два с половиной года, только в январе сорок четвертого на город упадет последний снаряд.

Через час в дворницкую зашли управдом и Марина Яковлевна. Вася, скинувший шубейку и шапку, сидел возле горячей печки и грыз закаменевшую, оставшуюся еще неизвестно с каких времен баранку, размачивая ее в кружке с кипятком.

– Вот что Ильдар, – сказал управдом, – там в квартире еще семья живет, они на фронте. Если кто приедет, ключи от квартиры у меня. Я сейчас никого в комнату Азаровой подселить не буду. А мальчишку вот она заберет, – кивнул он в сторону Марины Яковлевны, – Уж во всяком случае, у нее ему лучше будет, чем в детдоме.

Вася замер от ужаса. Значит то, что кричала мама, и в самом деле правда, – вот эта кругломордая тетка и вправду хочет его украсть. Вот так же и Леньку украли, значит, она его и съесть может.

– Дядя Ильдар! – бросился он к дворнику, – не отдавайте меня, они меня съедят как Леньку!

– Ну, пацаненок малахольный! – воскликнул управдом.

– Да у нее муж в столовой в Смольном работает! – обратился он уже к Ильдару, – мальчишка хоть подкормится, своих детей у них нет, так что как сыр в масле будет кататься.

– В школу будешь ходить, – вступила в разговор Марина Яковлевна, – Сергей Алексеевич, муж мой, на работу на машине каждый день ездит. И тебя по дороге будет каждый день завозить с утра, до школы то далеко.

Ильдар молча погладил шершавой ладонью по голове прижавшегося к нему Васю. Вася всхлипнул, успокаиваясь. В конце концов, если столько взрослых знает, что он у Марины Яковлевны, то она ему ничего плохого не сделает, да и мама должна скоро вернуться. А каждый день на машине кататься, да еще и в школу ходить, это было просто мечтой.

– Ты не бойся, – сказал Ильдар, – я твоей маме скажу, где ты, когда она вернется. Иди и ничего не бойся, в том доме Ринат дворник, он мой друг, я все о тебе знать буду.

Бурыкина Наталья, Васина мама, не дожидаясь конца следствия. В тюрьме было холодно почти так же как на улице, те же сто двадцать пять граммов хлеба и больше ничего. Она заболела сразу и через две недели умерла от воспаления легких.

А Вася стал жить у Марины Яковлевны и Сергея Алексеевича и со временем понемногу привык к ним. Хотя воспоминания о матери его не оставляли, и он часто видел ее во сне.

Глава 5

*1949 год, лето,
Ленинград и окрестности*

Учился Вася очень хорошо и в седьмом классе даже занял одно из первых мест на ленинградской математической олимпиаде. Но когда ему исполнилось пятнадцать лет, закрутилось знаменитое «ленинградское дело», и на следствии попутно вскрылось, что у многих партийных и государственных функционеров после войны в немалом количестве появились раритетные драгоценности, картины, мебель, фарфор, и в ряде показаний источником раритетов указывались Марина Яковлевна и Сергей Алексеевич. Оба они были арестованы и среди прочих, ни в чем не повинных людей, единственные, может быть, за дело получили «расстрельную» статью. Поскольку Вася официально не был усыновлен, его просто выкинули из квартиры, на которые в послевоенные годы был большой спрос, так как партия считала, что первым делом надо делать большую бомбу, строить ракеты и помогать отдаленным братским и освобождающимся народам, а свой народ был у себя под боком как-то не особенно и виден. Так Вася оказался в родном дворе, куда он зашел, чтобы узнать у кого-нибудь, не осталось ли у него прав на комнату, в которой они жили с матерью. Марина говорила ему, что мать жива, но писать ей не разрешают.

Прежде всего, Вася нашел дворника Ильдара. Тот, как оказалось, через своего друга Рината, был осведомлен о Васиной жизни. Трое из пяти сыновей Ильдара погибли на фронте, один до сих пор служил в армии, но был далеко, в Германии, а еще один оказался уже большим начальником в Москве. Он звал Ильдара к себе, но тот врос корнями в питерскую землю, на которой родился он сам и все его сыновья, и не хотел никуда уезжать.

Ильдар сказал, что комната давно уже занята и предложил Васе остаться пока у него. Шло лето, занятий в школе не было, и Вася с утра помогал Ильдару прибирать двор, а потом целыми днями пропадал в Эрмитаже или библиотеке. В конце июля у него появился друг во дворе, Сашка Куваев, который вернулся с родителями из эвакуации. Его отец работал на Урале над каким-то секретным проектом, поэтому после войны они еще три года жили там. Сашка был шустрый и нахальный парень, постоянно придумывавший какие-нибудь каверзы и развлечения, которые не всегда благополучно для него кончались. Вася, который все военное время прожил практически в отрыве от сверстников, просто прилип к нему.

Как-то у Сашки возникла мысль, съездить на велосипедах на места боев на Волхов и поискать там уцелевшее оружие. Какой из мальчишек военного, да и послевоенного времени не мечтал обзавестись пистолетом. Кто-то вырезал их из дерева, приделывал сверху медную или латунную трубку, залитую оловом или заклепанную с одного конца, напильничком делал запальное отверстие, и получалась «поджига». В ствол забивалась селитра, соскобленная с десятка спичек и обрубков гвоздя, к запальному отверстию подносилась горящая спичка или зажигалка. Звук от выстрела был не тише чем от пушки на Петропавловке. Обладатели такого оружия устраивали даже и стрелковые соревнования.

Но обзавестись настоящим пистолетом, это было мечтой и мечтой не такой уж и несбыточной. Еще в течение нескольких послевоенных десятилетий будут искать, и находить на месте боев и личное оружие, и всевозможные боеприпасы, вплоть до полных снарядных ящиков. Похоронные команды собирали только то, что оставалось на виду, да и то далеко не всегда. И никому никогда и не приходило в голову раскапывать засыпанные взрывами и проутюженные танками траншеи и орудийные позиции. А сколько мальчишек станут инвалидами уже прошедшей войны из-за неистребимой тяги «сильной» половины человечества к оружию.

Дома они сказали, что поедут на рыбалку, собрали рыболовные снасти, рыбачить и в самом деле собирались. Из съестного с собой взяли только хлеб, да соль, в лесу сейчас полно ягод и грибов, а в деревнях, за три года уже отошедших немного от войны, опять приветливо встречали каждого путника и уж на что, на что, а на молоко и картошку рассчитывать можно было.

Ехали долго, почти весь день, хорошо еще удалось поймать попутку, и большую часть пути они проделали в кузове старой полуторки, лежа на каких-то тюках. К вечеру добрались до деревеньки, стоявшей на берегу Волхова. Деревня оказалась почти не тронута войной, в том смысле, что все домишки, бог знает, когда построенные, были целы. Война стороной прокатилась мимо нее в обе стороны, но оставила по себе кровавую память тем, что на двадцать дворов вернулись с фронта только пять мужиков, да и те были отмечены разными увечьями.

Ребята остановились возле первого с околицы дома, на завалинке которого сидел, дымя самокруткой, однорукый седоголовый мужик.

– Здравствуйте, – сказал Сашка, – мы вот с другом порыбачить хотим. Не подскажите, у кого можно было бы на пару ночей остановиться в какой-нибудь сараюшке?

– Да хоть бы у меня, – добродушно ответил мужик, – а откуда будете?

– Из Ленинграда, чуть не целый день ехали, – поддержал разговор Вася.

– О, из самого Ленинграда, то-то я смотрю, тощие оба. Небось, в блокаду-то тяжело пришлось?

– Да я—то в эвакуации был с родителями, а вот он, – кивнул Сашка на Васю, – всю блокаду в городе провел, – родители умерли.

– Вишь вот как, хуже фронта, – вздохнул мужик, – а как звать-то? Я Михаил, а фамилия – Емельянов.

– Сашка.

– Васька.

– Ну, давай ребята, сейчас поужинаем, да на боковую. Нам вставать рано. Только вот что, парни, вы на денек еще не задержитесь? Завтра сено в стога метать собрались, а мужиков в деревне почитай, что и нет. Большую помощь бы оказали. А уж мы и накормим и напоим, и места самые рыбные я покажу. У Пашки Медведева лодка есть и бредень. Такую рыбалку зафугуем, что долго помнить будете.

Ребята переглянулись. Собственно говоря, торопиться некуда, и они согласились. Ночевали на сеновале, который наполовину уже был заполнен свежим сеном. Внизу всю ночь жевала свою жвачку корова, а утром, едва рассвело, казалось над самым ухом, заорал петух. Хозяйка Нюра, позвякивая ведром, пошла доить корову. Вася подумал, что, наверное, надо вставать, приподнял было голову, но через минуту опять уже крепко спал.

К вечеру у ребят отваливались руки и ноги. Весь день они длинными трезубыми деревянными вилами-рогатиными забрасывали на стога большие пласты сена из скирд, которые на лошади, запряженной волокушей, подвозил им десятилетний парнишка Колька, сын Пашки Медведева. Две женщины на стоге с вилами в руках равномерно распределяли и утапывали сено вокруг высокой, воткнутой в землю жердины, поднимая стог и себя все выше и выше. К обеду небо застлало тяжелые облака, но дождь, к счастью, пронесло, и к вечеру на лужке около деревни стояли два огромных стога, накрытых сверху свежесрубленными молодыми березками. Еще хуже усталости было то, что от набившейся за шиворот сенной трухи нестерпимо чесалось все тело. Колька предложил сбегать искупаться на реку, с ними же пошел и Михаил. По дороге захватили с собой два ведра и частый бредень, намотанный на два кола.

Когда на реке разделись, Вася с Сашей просто открыли рты, глядя на Михаила, у которого вдобавок к сине-багровому обрубку культи вместо левой руки, вся спина была исполосована шрамами. Повернувшись и поймав их удивленные взгляды, Михаил усмехнулся:

– Что, не видали такого?

– А чем это вас так?

– Да известно чем, миной. Меня на третий день после начала войны призывали. Я же еще на финской воевал. Полк наш в Ленинграде формировали, и воевал я тут же, можно сказать в родных местах. Первый раз меня на Пулковских высотах ранили, летом еще, ну, правда, не сильно. Когда выздоровел, как раз формировалась вторая ударная армия для прорыва блокады. А командовал ею, может, слышали? — сказал он, понизив голос, как будто здесь на речке его кто-то мог подслушать, — генерал Власов.

– Так власовцы же предатели, они с фашистами заодно против нас воевали. У нас на Урале рядом с заводом лагерь был, так там новые корпуса строили пленные немцы и власовцы, — удивленно сказал Саша.

– Да тут история такая. Власов-то спервоначалу вроде как героем был. У нас в роте старшина еще с довоенных времен с ним служил в пограничной дивизии. Так он рассказывал, что когда война началась, они в наступление пошли и Перемышль взяли на немецкой стороне. Ну, а соседи все отступили, и попали они в окружение, но Власов тогда дивизию вывел. Под Москвой он здорово воевал, вот ему и поручили блокаду Ленинграда прорвать. А когда мы в прорыв пошли, немцы нас окружили, всю армию, и давай крошить. Мало кто вырвался. Тут место такое есть неподалеку, сосновый бор, чистый такой, сосны прямо огромной высоты, белые грибы там до войны собирали. А рядом поселок, Мясной бор называется. Так сейчас лес так стали называть, столько наших там полегло, пол армии, наверное. Там и остались все лежать незахороненные, сейчас никто туда и не ходит, жутко, да и опасно, подорваться можно. А нам тогда в одном месте удалось коридор держать, метров двести шириной. Кое-кому и повезло выйти. Правда, целым, наверное, ни один не выскочил, там по трупам шли. Меня тоже вот зацепило, мина рядом разорвалась, руку и спину осколками нафаршировало. Хорошо ребята не бросили, до своих немного оставалось уже, дотащили, хоть и сами пораненные. А в госпитале руку лечили, а потом гангрена началась, и совсем отрезали. Почитай год провалялся, но выходили все-таки, а там уж списали вчистую. А Власов в плен попал, ну и стал иудой. Хотя, конечно, податься ему было некуда, здесь бы за потерю армии сразу к стенке поставили. Ну, да бог ему судья. Ладно, давайте скоренько помоемся, да побродить надо маленько, сейчас рыба как раз ходит, да и раки повылезли, здесь вода чистая, раков много.

Быстро сполоснувшись, Саша и Вася под командой Михаила развернули бредень — сеть метров пять длиной и полтора высотой, привязанную с двух сторон к длинным палкам.

– Значит так, ребята, — сказал Михаил, — ты, Санек, повыше, поэтому идешь подальше от берега, а ты, Васька, поближе. Идете против течения, колья держать чуть с наклоном назад, нижний конец как можно ближе ко дну прижимайте. А мы с Кольшей возьмем какие-нибудь коряги, зайдем по течению вверх метров на пятьдесят и пойдем навстречу, ботать будем. Как скомандую, потащите к берегу, только сразу близко не сходитесь.

Все снова с удовольствием полезли в теплую воду. Когда Михаил скомандовал идти к берегу, Сашка, который шел почти по плечи в воде, попал в яму и скрылся, было, с головой, но бредня не бросил и уже через несколько секунд, сильно работая ногами, выплыл из ямы, снова встал и пошел к берегу. В это время большая щука, разогнавшись, серебристой тенью мелькнула над бреднем и, сильно плеснув, ушла в глубину. Мальчишки завопили от нестерпимой остроты ощущения радости и огорчения одновременно.

Когда бредень вытащили на прибрежный песок, его мотня была забита травой, в которой что-то шевелилось и трепыхалось, отблескивая серебром в лучах еще высокого солнца. Траву вытряхнули, разобрали и в ведра полетели полтора десятка раков и с десятков рыбин разной величины. Забрали еще несколько раз и с приличным уловом вернулись домой.

За домом Михаила возле бани разожгли костер, подвесили два ведра, одно для ухи, второе для раков. Собралось человек пятнадцать из окрестных домов. Женщины уже чистили рыбу и картошку и сразу же бросали в одно из ведер. Когда картошка на пробу оказалась сва-

ренной, в уху вылили десяток разболтанных сырых яиц и бросили миску нарезанного зеленого лука. В кипящую воду второго ведра высыпали серо-зеленых раков, и уже через несколько секунд в струях ключом бьющего кипятка замелькали алые трезубцы.

Рядом с костром расстелили торцами друг к другу два куска старого брезента, расставили на нем миски со свежими и малосольными огурцами, с солеными грибами. Прямо на брезент двумя кучками шумовкой вывалили раков. Тут же наличествовали два больших пятилитровых бидона и здоровенная бутылка. Когда всем раздали деревянные миски с ухой, один из мужиков стал наливать из бутылки мутную жидкость в маленькие стограммовые стаканчики, которые тут почему-то называли чайными. Михаил, посмотрев на ребят, с усмешкой спросил: – Ну что, работнички, вам-то самогона налить?

– Налить, – с вызовом ответил Сашка.

– Я не буду, – отвернулся Вася от предложенного стаканчика.

– Ну, давай хоть тогда пива налью. Пиво хорошее свежее деревенское, в городе такого не бывает, – предложил Михаил и налил из бидона полную глиняную кружку пенистого вкусно-пахнущего темно-коричневого пива.

Наевшись, ребята отошли в сторону. Гулянка шла своим чередом. Кто-то принес гармошку, пели все вперемешку, – от «Катюши» и «Смуглянки» до похабных частушек. Два мужика со злобой заспорили о чем-то, их еле разняли женщины.

Сашка от выпитого стаканчика самогона изрядно захмелел. Он стоял, запрокинув голову вверх, и слегка покачиваясь, смотрел на звезды. К ребятам подошел Михаил, тоже уже изрядно навеселе.

– Ну что, парни, не получается пока с отдыхом-то? А у нас в деревне каждый день вот так. Весной сажать, летом обиходить, а осенью убирать. С утра до вечера работа, то на колхоз, то на себя. Зимой разве что отдохнешь маленько. Но все лучше войны. Дай бог, сейчас долго ее не будет.

– А я вот жалею, что на войну не попал, – вызывающе заявил Сашка, – здорово, наверное, в атаку ходить! Бросишь пару гранат в немецкую траншею, из автомата от пуза длинной очередью чесанешь, и готово, вылазят с поднятыми ручками – Гитлер капут! А потом медаль дадут или орден. Вот у вас, дядя Миша, ордена есть?

– Да нет, орден получить не довелось. Две медали, правда, есть – за отвагу и за боевые заслуги. И из автомата от пуза мне чесать не довелось, не было у нас автоматов. Винтовки-то и те не сразу дали, я в свою первую атаку с саперной лопаткой пошел.

– Как это с лопаткой? – растерянно спросил Вася. – А немцы с чем же были?

– Немцы как положено, с винтовками, с пулеметами. Нас на фронт везли без оружия, сказали, там выдадут. Вдруг где-то под Лугой поезд останавливается, команда выгружаться, марш-бросок десять километров, приказ окопаться и держать оборону. На роту в сто двадцать человек дают сорок винтовок и двадцать лимонок. Патронов выдали на каждую винтовку по две обоймы, то есть по десять штук. День копали, да ждали, жрать нечего. На следующий день с утра подвезли полевую кухню с кашей. Не успели поесть, приказ – взять высоту в трех километрах впереди. Спрашиваю у взводного как в атаку идти без оружия, он только матерится. У убитого, говорит, возьмешь или у немца отберешь. А ты попробуй, доберись до него, до немца-то. Спервоначалу-то ничего шли, а как к высоте подходить стали, немцы из пулеметов жарить начали, головы не поднимешь. Наша батарея десяток снарядов выпустила, налетели юнкеры-лапотники и перемешали ее с землей, ну и нам досталось. После бомбежки ротный в атаку поднимает, а у нас большая часть только призванные, необстрелянные, лежат, за землю как младенец за мамкину титьку уцепились. Он наганом в зубы одному, второму, помаленьку поднялись, перебежками вперед. Тут немного подвезло, там бурты торфа были, и он после бомбежки занялся, а ветер дым понес в сторону немцев, и мы вроде как под прикрытием идем. Выбили мы их с вершины, хорошо там не больше взвода оказалось. Мне винтовка еще раньше,

после бомбежки досталась, соседа моего осколком убило. Ротный переключку сделал, пятьдесят человек в строю. А на следующий день немецкие танки нас обошли слева и справа, чудом в окружение не попали, выбрались к своим, а от роты уж десять человек осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.